

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ



ВСЕСОЮЗНЫЙ АЛЛЕЙСКИЙ
КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

Секция Коммунистического
Интернационала молодежи

ДК ВАРСЫ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ



ВСЕСОЮЗНЫЙ АЛЛЕЙСКИЙ
КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

Секция Коммунистического
Интернационала молодежи

ДК ВАРСЫ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ



ВСЕСОЮЗНЫЙ АЛЛЕЙСКИЙ
КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

Секция Коммунистического
Интернационала молодежи

ДК ВАРСЫ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ



ВСЕСОЮЗНЫЙ АЛЛЕЙСКИЙ
КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

Секция Коммунистического
Интернационала молодежи

ДК ВАРСЫ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ



N6

СМЕНА



31 марта 1932 г.

Год издания 9-й

Литературно-художественный, общественно-политический и бытовой журнал рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Издание „Комсомольской правды“

Адрес: Москва, центр,
Б. Черкасский пер., д. 6.
Тел. 5-67-03.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. АНУЧИНА — Иными глазами (стр. 5).
Н. БЕЛИНСКИЙ — Девять негров (стихотворение) (стр. 7). Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ — Ошибка (стр. 9). И. СИГОВ — Как мы расходуем свой арабикот (стр. 12). Н. ДОБРОВОЛЬСКИЙ — Нравы „трех полюсов“ (стр. 14). П. В. Л. БЕС ЮЩАДНЫЙ — стихи (стр. 18). Г. АБ — О Бо-ском и Грине (стр. 19). Д. БОЧАР — Комсомольцы ли? (стр. 20). Е. ДОЛМАТОВСКИЙ — Культурное МАУ — ст. хоти ремя (стр. 21). И. КОЗЛОВ — Инга о л. соловей и наивисте (стр. 22). Н. ВОЛЬСКИЙ — В чихе стиралось и фе (стр. 23). В. ВЛАДСКИЙ — Напряже-е (стр. 24). Д. НЕДРИН — Ходит с в л тайной (стихи) (стр. 25). И. АНС ЗИНГ — Океан Нарского севера (стр. 26). Л. ШАПИРО — Завиде на Софийскую (стр. 27). БЫГСВЯЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ — Цех внимательной техники и др. РИСУНКИ: Арутюнян, В. Васильев, Е. Егана, с. Гореев и Иванилько, П. Лукин и др.



КОМСОМОЛЬЦЫ НА ВЕЧЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

№ 6
1932

старая большевичка тов. Солц рассказывает о подпольной работе партии



ВАСИЛЬЕВ

— А, ну, братишка, чем ты занимался до революции 1917 г.?

— До революции?.. В ту пору я голубей гонял...

Иными глазами

Надя получила шпату. Она поднимала голову, обгоняла дедач на ткацкой. Кто-то прокричал ей утреннее приветствие.

— Что силось, товарищ бригадир?

Она сдвинула брови, чувствуя свое превосходство. Сколько раз ей вспоминался день, когда она пришла в ячейку с предложением организовать во втором пролете комсомольский комплект. Это было под выхлодом. Секретарь ткацкой, Коля Макарьев, которого прозвали девичьим пастухом, устало слушал молоденьких девочек из фабзавуча. Девочки жаловались, что их поставили на новые необоратанные станки.

— Так ведь новые лучше, чем старые,— лениво говорил Коля,— какого еще нам рожища...

Надю он выслушал также невнимательно. Тонкая дверь вздрагивала от гула. Секретарь ячейки долго швыряла папироску, потом вдруг сказала:

— Эх, Надюшка... И волосы у тебя кудрявые, и брови такие... А вот не то... Ты знаешь, что Нюша Воронцова вышла за практиканта из сортировочной?

Она поднялась, гневно глядя ему в лицо.

— Вот ты какой!... Так ты болеешь за производство?

— Я устал очень, Надюша,— сказала он робко.— А комплект надо организовать, необходимо... Я тоже думаю. Ты ведь у меня самый сильный группор.

Надя врывалась в ткацкую с багровым румянцем на щеках. Она сбрасывала фланговую курточку на желтой кожи и бежала в левый угол, где работала на четверке Татьяна Гушина, являвшаяся до гула.

Чем с мамашей сориться по утрам, лучше уж здесь торчать,— лениво говорила Татьяна,— мамаша у меня такая...

У нее были светлые жирные волосы, гладко зачесанные назад и собранные в узелок. Когда Надя называла ее мешанкой за этот узелок, она нехоты улыбалась.

— Катись ты к бабушке.

Им обоим исполнилось в декабре по девятнадцать.

Татьяна наотрез отказалась вести переговоры о комплекте с мастером и партгором.

— Это уж ты треплешься, а я могу устать подработать.

— Не устань, а обязательно,— поправляла ее Надя,— смотри по-серьезней только.

Проект Татьяны очень понравился ей. Он совсем исключал брак, вменял в обязанность ткачам кон-

тролировать работу ремонтировщиц и снижать расценки.

Но мастер Петр Андреевич высмеял.

— Вы что, комсомольцы своих замотировать хотите? Где же это видно, чтоб ударникам заработок списали?

Обязательство составили на собраниях комсомольской группы. Два друга, Сивачев и Шустов, заявили, что тоже желают войти в комплект.

Все любил Сивачев и Шустова за веселый нрав. Когда обсуждали состав комсомольского коллектива, Надя выступила против двух приятелей, ее встретили молчанием. К негодованию Надя все руки поднималась за Сивачева и Шустова. Потому она утешалась. Комплект получился нового инструктора. У него была странная фамилия—Грин. Он был высок, щеколат, бледен, он удаленно спрашивал, почему фабрика до сих пор не переведена на функциональную систему.

Надя заметила, что он слишком уж внимательно смотрит на Любу Карузову. Эта высокая девушка, похожая на цыганку, одна во втором пролете могла поспорить с Татьяной. У них и нить не рвалась, и станок всегда был смазан, и челнок не вылетал.

И комсомольский комплект начал свою жизнь. Бхольа на ткацкую, Надя краснела от гордости—она была бригадиром. Лиза Симаква, которая была моложе всех в комплекте, робела, разговаривая с Надей. Такая же робость появлялась у старых ткачих при разговоре с директором. Надя было принято сделать такое сравнение, хотя она никогда бы не согласилась в этом. Однажды она подговорила Карузову взять Лизу на буксир.

Она болеет за профинплан, но понимаешь... Ведь весь последний месяц на производстве. Помоги ей.

— Пожалуйста,— сказала Карузова.

Она никогда не спорила. Но Лиза вдруг заупрямилась.

— Не хочу я к ней на буксир.

— Да как же ты можешь спорить,— горячилась Надя,— ведь у нас комсомольский комплект.

— Пущай, я выйду из комплекта,— тихо говорила Лиза. Это тянулось несколько дней, и Надя откасалась от сплетей затей. Но она так рассердилась на Лизу, что перестала с ней разговаривать.

Комплект не выполнял полностью своих обязательств, но все-таки брака стали делать меньше.

Подходя мартовским утром к фабричным воротам, Надя думала, что надо обязательно поговорить с Грином насчет новых методов. Вдруг комсомольский комплект встретил зачинщика такого дела,

которое поднимет на ноги всю фабрику.

Улыбка тронула Надину губы. Она прошла контрольную.

Татьяна вышла из своего угла и сказала Наде с укором, словно обвиняя ее.

— А Маруськи-то опять нет.

Надя злобно сбросила куртку.

— Набрал комсомолочек.

Ей хотелось заплакать, так было жалко своего хорошего настроения. Но сила губы, она сказала сурово:

— Маруську на группе проработаем.

Надя положила к маруськинским станкам, и у нее сложилось сердце. Прогуты в комсомольском комплект! Кто скажет Коля Макарьев? Она чувствовала себя опозоренной.

За несколько минут до обеденного перерыва Коля Макарьев появился во втором пролете. Увидев его хмурый лоб, пересеченный светлой прядью, Надя опустила голову. Секретарь ячейки шел прямо к ней, пробирался между станками. Наклонившись, он сказал ей на ухо:

— В перерыв собрание группиров, не задерживайся.

С Колей Макарьевым пришел незнакомый парень с портфелем, в коротком ржьем пиджачике.

— Ребята,— сказал он, и все улыбаются, потому что ребят в комнате было трое, вместе с ним. Заметив свою оплошность, парень в ржьем пиджачике тоже улыбнулся, и все почувствовали к нему симпатию.

— Так вот, девочки,—поправился он,— нам предстоит большая политическая работа. Центральный комитет комсомола вынес постановление об обмене комсомольских билетов.

Все с удивлением переглянулись. Парень в ржьем пиджачике сейчас же предупредил, что обмен билетов не означает чистки. Но по его словам выходило, что новый билет получит не каждый, кто числится членом союза. Что же это значит? Надя почувствовала тревогу.

— Каждый из нас,—сказал незнакомый парень и посмотрел в окно,—каждый из нас должен задуматься над тем, что он сделал, чтобы с честью носить звание комсомольца. Ведь не думаете же вы, что оно дается даром.

«Я-то уж заплатила за это знание,—подумала Надя и вспомнила Маруську.—Получит ли та новый билет?»

С досадой Надя заметила, что Маруськи опять нет. Ведь Коля

Рис. П. Луазина



приняв приваку группировки обес- печить жизнь. Грин пришел с Лю- бой Карузовой. На этот раз она была весела. Ее пылкие решени- цы дрожали от смеха.

«Наверное он ее любит», — по- думала Надя с неожиданной болью, и у нее пропало желание разгова- ривать с воступающим Сусешиным.

Когда Макарьев говорил то же, что и парень в рижке полушубке. Надя с досадой закусила губу. На собраниях она всегда ждала пламенных речей, и сердилась, что все говорит динно и скучно.

«...Вечно одно и то же», — дума- ла она и от скуки стала смотреть на своих девчат.

Лиза Синакова стояла в уголке, в шерстяных чулках с красной по- лоской и коротком ситцевом платьишке. Она оттопыривала губу, слушая Колю, и казалась испуган- ной.

Валь еще среди нас и такие, что не имеют права носить билет, — сказала Коля.

Лиза покосилась и посмотрела в сторону. Сидела за ее взглядом, На- дя увидела Карузову.

«...Ага, вспомнила, как она от буксира отказалась», — с удовлетво- рением подумала Надя.

Утром все ткацкая говорила про обмен билетов. В перерыва комсо- мольцы забыли про обед.

— У меня взносы за восемь ме- сяцев... — усмехнулась Татьяна.

— Что с тобой на десятую бу- лет, — сказала Шустов, закурив- шись.

Так они стояли на площадке, пе- ресматывая, но все чувствовали тревогу, словно им предстояло еще раз встретиться в комсомол.

Лиза подошла к Наде и потянула ее за рукав. Так она тянула ее за собой, и они спускались вниз. Хо- лод сочился из двери, и девушки прижали друг к другу, забыв о ссоре.

— Надя, — сказала Лиза попо- том, — я тебе принесла заявление...

— На буксир хочешь?

Лиза покачала головой.

— Нет, наоборот.

Надя удивленно развернула жел- тый согнутый листок. Он был ис- писан мелким ребячьим почерком.

«Заявление к обмену билетов в комсомольскую группу второго пролета, почему я не хотела идти на буксир. Я не могла потому, что тов. Карузова чуждая на фабрике. Мама, которая теперь на инвалид- ности, двенадцать лет служила в прислугу у отца тов. Карузовой. Она проклинает его за свои иска- женные руки, потому что спала в холодной кухне и получила ревма- тизм. Ее отец лишенец, живет с нею, прожывая зарплату, как все равно моя мать. Ту зарплату нам платят на советской фабрике, он бивший офицер».

У Надя дрожали руки.

— Лизочка, — сказала она, комкая листок, — но ведь это же не может быть. Ее отец слесарь, он приходил сюда.

— Не-ет, — прошептала Лиза, — это чужой, они должны жить вместе. Мама все знает. У нее и фамилия другая — Паскенич.

— Что же ты молчала, — крикну- ла Надя с гневом, — ты покрывала классového врага!

— Я боялась, — просто сказала Лиза.

У Надя путались мысли.

«Надо сказать Коле, — думала она, — а может быть еще есть та- кие...»

Она растерянно скользила по ли- цам девчат и вдруг увидела по- добиевшему Маруську. Она мел- ленно закладывала поточек в чел- ном. Наде показалось, что ее голу- бие глаза полны слез. Вера она сделала второй прогугу за декаду. Когда бить и у нее отец офицер? Когда пришла вторая смена, На- дя сказала Маруське:

— Пойдем вместе домой. — Схва- тив ее за руку, она бежала по лест- нице, боясь, что им помешают.

— Марусь, — сказала она за вора- тами, — я давно тебя хотела спро- сить: у тебя кто отец?

— В германскую войну убили, — тихо ответила Маруська.

— А мать?

— Ты разве не знаешь? Она на бинабросках работает.

— А отец?

— Да я ее сказала.

— Нет, а кем был?

— Он, — сказала Маруська с нежиз- нинным отчаянием, — да чего ты пристаешь? Отец да мать. У меня может, — она зашлась, — и слезы вдруг залили ее лицо, — у меня во- дит у самой скорая ребенок будет. Надя опустила руки.

— Да ведь ты не выходила за- кулку.

Маруська смотрела на нее злоб- но.

— Подруги! Никто не покажет...

— Я... не знала.

— Вы только о себе знаете...

— кричала Маруська, — никому дела нет. У нас за перегородкой семь человек живет, куда я с ребенком? Он комнату имеет а два окна, а сам... она плакала, уткнувшись в Надю плечо.

— Тебе дадут комнату, — сказала Надя и провела рукой по ее щеке.

— Кто это... сделал тебе?

Маруська долго молчала, потом попросила:

— Ты никому только не говори, а то я утоплюсь.

— Кто же?

— Это... Грин.

Если б Надя услышала это вче- ра, она бы удивилась. Теперь она только сказала:

— Но ведь он любит Карузову.

Маруська всхлинула.

— Да, а меня нет. Мы с ним только два раза в кино ходили. Он со мной не разговаривает.

На стене висел список комсо- мольского комитета. Надя сорвала его. Ведь это были совсем не те люди, какими она привыкла их считать.

— Хочешь жить со мной? — не- ожидающе сказала она Маруське.

— Я думала, ты гордая.

Когда первая смена ткацкой об- суждала список комсомольцев на выдачу новых билетов, Люба Карузова не пришла. Она перестала ходить на фабрику с того дня, как ее делом занялся Коля Ма- карьев. Но все-таки ее фамилия стояла в списке.

И Грин выступил в защиту Кару- зовой.

— Товарищ Косарев говорил, что надо подходить индивидуально к каждому комсомольцу, — сказал он, откидывая заученным жестом волосы со лба, — я возьму эти сло- ва лозунгом к своему выступлению. Внешние Любюно преступление ка- жется ужасным. Но позволяйте, чем она виновата, что родилась во- черью дворянина, а не потомствен- ного пролетария? Ведь ей не пред- ставлялось право выбора. И она скрыла свой позор. Наказалась дру- гим именем, пришла на фабрику, чтобы начать новую жизнь.

Но тут начался шум.

— Она глумилась нами, — крича- ли старые ткацки, — слова от нее не слышаны.

— Карузова первый раз в ткац- кой, — сказала мастерица.

— А почему она отца не броса- ла? — крикнул тонкий голос и все узнала Лизу.

— Долой, — кричало собрание.

Шустов выскочил к столу.

— Собрание не желает! Долой! Я о себе скажу. Кто и такой? Если б не комсомол, где бы я был? Мы с товарищем Синавичем, выхо- дил сюда товарищ Синавич, мы оба из беспартийных.

Собрание притихло.

— Вам известно, дорогие това- рищи, — кричал Шустов, — что Грин не посещает военных занятий и винтовку держит, как ухаг. Когда я спросил его, как военорг, по- товаршески, почему ты, сволочь, не посещаешь, он мне ответил на- смешливо: зачем я буду тратить время, нас разобьют в первом бою с нашей отсталой техникой.

Грин стоял у стола рядом с Шу- стовым и пытался презрительно улыбнуться. Но когда он загово- рил, у него дрожали губы.

— Я к... кончил девятилетку. Мне место в... вузе, а не с Шусто- выми, еще вчера общившими чу- дные карманы...

Карузову и Грина первыми вы- черкнули из списка.

С обязательством от комсомол- ского комитета вышла Надя.

— Товарищи, — сказала она, и многие не узнали ее голоса, потому что он потерял бытовую зловеще- сть, нам надо заново организовать ком- плект. Вы все знаете, что он рабо- тал плохо, хотя мы и считали браз. Мы не сумели подобрать людей, а потом не было конкретного руко- водства. Я была бригадиром и не знала своих делат. И Коля мне не помог.

Заметив, что мысли опять уско- копляются от нее, Надя сиднула бровь.

— Так вот я хочу сказать, что надо обеспечить конкретное руко- водство. Если, уходя с промзаво- ста, мы будем забывать друг о друге, ничего не выйдет. У нас по- дрый комплект на основе строгого отбора, а обязательство то же са- мое, но только мы его выполняли.

Она читала пири, назвала проценды, и первый раз в жизни они не казались ей скучными.

В КОМСОМЛЬСКОЙ ЯЧЕЙКЕ



Обмен благов

Девять негров

Поезд гудит,
Колеса стучат,
В поезде девять
Черных ребят.

Норрис, Уинс,
Монгомери, Райт —
Едут работы
И хлеба искать.

Рельсы бегут
Под колеса
И прочь,
Нежно цветет

Алабамская ночь,
Мчится вагон
Через черную мглу,
Две проститутки

Курят в углу,
Жирная Прайс,
Костяная Бейтс,
Семеро с ними

Своих парней.
Вызгом аскапает
Ненависть Бейтс:
— К чорту отсюда

Черных смей!
Белые сжаль!

Свои кулаки,
Но кулаки
И у черных крепки.
Ловок удар их
В зубы и в нос,
Прыгают парни

Скорей под откос.
Мчится вагон
Через черную мглу,
Две проститутки
Притихли в углу.
— Слушай, ребята.

Женщин не тронь.
Места всем хватит,
Сказал Паттерсон.
Косит рассвет
Золотистую бровь,
Поезд, гудя,

Подходил к Скоттсборо.
Негров встречает
Фермеров вой,
Негров прикладами
Гонят конвой.
Хоть и не знают
Ребята, — за что —
Заобом шерифа
С ними расчит...

Сто котельков над испотевшими лбами.

Первые сто, скрывающихся в блокнот,

Сто продажных газет Алабамы

Руном передовки орет.

В лоб стопроцентного янки покатый

Вспрыснут расовой злобы слюна.

Даже публичный дом расплакан:

«Честь белой женщины оскорблена!»

Льются зловонных стоек потоки,

Даже заверчено слов колесо.

Америка ждет, чтоб изжарен был током

Семнадцатилетний негр Паттерсон.

Рыжий хозяин бара «Чарльстон»,

Пастор Фишпатрик,

Фермер Джонсон —

Кризис грызет их,

Мутит их злость.

Кризис грызет их

Белую кость,

Глотки их рвет

Иступленный клич:

Лич! Лич!!

Сто попов, гнусавя, взрывают,

Грохотом джаза собрав пасты.

Небо кропит сквозь джазбандные треки

Густою молитвой электрический ступ.

И прокурор не спешит на расклин,

Алюминием вскарабкиваясь вал:

— Каждый черный кончик красный —

Галните лишь в року их и глаза. —

В мертвой улыбке Свободы статуя

Перстом указывает Юстиний свод —

К бессрочной категории судит девятого,

А восемь других — списать в расход.

Славьте, газеты,

Рыжью Бейтс —

Черных в черную

Морду бей!

Небо, раскрой

Для Виктории Прайс

Лучший кабак

И библейский рай!

Ни старая песня про «рабский труд»,

Ни средневековых законов цепи,

Ни черный террор, расправивший груды,

Ни трупы сожженных Сако и Ванцетти.



„Статуя Свободы“

Ни пресса, ни поп, ни винчестер солдата,
Ни нож, в руке Ку-клукс-клана зажатый, —
Вам не помогут.

ШТАТЫ!

И жабым затылком равнялся в ранжир,
С респиком «Мэд ин ЮЭА»!)
Орудий жалное брюхо дрожит,
Равняй прицел по Союзу.

Но слышишь, как в страхе смертельном кричит

Сквозь раздробленной гортани хрипя,

Живой человечески запах почуя,

Америка, восемь концов линчуч?

Но видишь, уже напролом занесен

Над лапой, сжимающей «Смит и Вессон»,

Над гилью, что кроет кровавистый лак,

Белый и черный и желтый кулак.

Так ступай, Америка, как раскалае

Пашнью земли шагами колонн,

Железной прибой нашей воли.

Мы убить не позволим!

Сквозь тули морей и материков

Ты слышишь, эвент пролетарская кровь!

Сквозь бьры и проповеди и мюзик-холлы:

Мы убить не позволим!

По лапам, что ток включить собрались,

Ударит антиген беспощаднейшей хлест,

Что грани границ распорол:

Мы убить не позволим!

Пролетарии всех цветов кожи!

Яростно боритесь за немедленное

И безусловное освобождение

Десятки негритянских товарищей!!

) Made in USA — изготовлено в САСШ.



Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. (СТАЛИН).

стишка

Рассказ Феоктиста Березовского

Рисунки П. Лузгина

I.

Когда партизаны единогласно избрали Андрея Ужигина делегатом на подпольную городскую конференцию, он почувствовал, что будто сразу вырос. Штаб постановил: отправить Андрея с провожатым, которым согласился ехать Емельян Акишев—хозяин избы, где жил Андрей. Ухотряне прислали пять кругов барышнего сира, который должен был изображать «товара». Потом прислали несколько тарок, мешком картошки и мешок муки.

У Емельяна Акишева уже давно казаки реквизировали коней и тачанку—один из ухотрян предложил своего коня, другой приволок телегу, третий привел второго коня.

Много хлопот было с паспортом для Андрея. Сколько ни привоискали нужные паспорта, все они не годились,—приметы не подходили. Беда в том, что у Андрея чуть-чуть косилась правый глаз; ни в одном из паспортов такой приметы не значилось. В штабе долго спорили еще о том, какое написать место жительства—вымышленное или существующее, где-нибудь в России. Большинство голосов решило: указать деревню, существующую в России.

Емельян Акишев подсказал Андрею:

— Пусть пишут мою деревню... А и рассказку тебе, где она расположена и какой народ у нас проживает. Я ведь не шибко давно переселился сюда. Расскажу тебе все по порядку. В случае чего—обскажишь бедам про нашу деревню... Зараз поговорят...

«По его совету написали в паспорт Андрея:

«Вышел Василию Семесову Капашеву, крестьянину Воронежской губернии, Бобровского уезда, Печаской волости, деревни Лагушкиной».

Наконец сборы были окончены. Наступил день и нас отъездал.

Налел Андрей поверх платного пиджака мужичью свитку, положила

за пазуху пачку ленинских воззваний—«К красноармейцам», еще просмотрел—все ли взято, и послал Емельяна запрягать лошадей в доругу.

На дворе уже смеркалось. Неожиданно прискакал пестровой и зелез Андрею идти в штаб.

В штабе Андрей застал Злобу. — А-а,—протянул Злоба при появлении Андрея, поднимаясь и выходя из-за стола.—Товарищ Ужигин!

Он протянул руку Андрею. — Здравствуй, товарищ Злоба,—ответил Андрей, пожимая руку Злобу.

— Ну, как дела? Собрался? — Так точно... Все готово... Утром в тилу у белых будем...

Быть может еще какой-нибудь наказ будет?

— Наказ не наказ,—заговорила Злоба, отерпываясь,—а дельные будут...

Он шагнул по комнате, стараясь не глядеть на Андрея.

— Вот што, товарищ Ужигин... На конференцию будет представитель Центрального комитета нашей партии... товарищ Знаменский... Он должен через фронт пробраться... Пробретется!

— Видно было, что Злоба волновался.

Андрей смотрел ему в лицо, разглаживая его широкий лоб, длинный нос и темные усы.

— Так вот, товарищ Ужигин,—снова заговорила Злоба, закладывая руки за свою широкую спину.—Думаю отправить с тобой посылаючку товарищу Знаменскому... Возьмешь?

Андрей засмеялся:

— Ну конечно!—воскликнул он.— Говори: в чем дело?

Злоба повернулся, взяв со стола небольшой пакет и, подавая Андрею, тихо заговорила:

— Вот, товарищ Ужигин...

Голос его сорвался и у переносы появились морщинки.

— Здесь сведения... Нужные ко-

мандованию Красной армии... Понимаешь?

Глядя на взволнованное горбоносое лицо Злобу, с его горящими карие очи, Андрей понял, какое серьезное и ответственное поручение даст Злоба.

Опуская руки по швам и снова вытравывая по-военному, он твердо ответил:

— Не беспокоюсь, товарищ Злоба...

Сердце, ежели што, могут вырвать... А пакет не вырвет...

Злоба похлопал Андрея по плечу.

— Молодец, Андриуша! Верю...

2.

Вопрос о жизни давно решен.

По большим дорогам, по проселкам, через хутора и станицы—всюду двигались в разных направлениях части ленинской армии, их обозы, артиллерия и казаки—донцы, кубанцы, терцы.

Емельян уже дорогу говорил о своей воронежской деревне, о российском малоземелье, о произволе помещика, о своем переселении к казакам, о грабеже казачьих богатств...

Емельян проклинал ленинских офицеров, реквизировавших у него коня и тачанку, и говорил, что после возвращения из города твердо решил примкнуть к отряду Злобы.

— Некуда нашему брату деться, Андриуша!—воскликнула он, дергая поводки.—Теперь я понял... Од на дороге мужику—к советам... Как вернутся, так прямо и товарищу Злобе... Пошли проверим эти мени?

— Проверить-то проверили,—смысл отвечал Андрей.—Возьмем конечно... А вдруг убьют тебя в бою?

Белообрый, мокрый и перепачканный дорожной грязью Емельян казался рукой и с очиненным в голосе говорил:

— Э-э, чорт с ним!

По сторонам на горизонте виднелись хутора и станицы, горбились скирды сена и конны небурного хлеба. Тупелица из города встречала воинские части, подводы с провiantом, с зарплатными книжками, с походными кухнями. Для Андрея

ясно, что это последние резервы, которые Деникин бросает на фронт. Ясно, что Красная армия гонит Деникина по направлению к морю. Партизаны и городские партизанские организации должны помочь Красной армии поскорее опрочистить Деникина с моря. Для этого созывается конференция. Андрей усиленно курит и обдумывает вопросы, которые будут обсуждаться и решаться на конференции.

В пяти верстах от города налетела сотня терских казаков, с криком окружив подводу.

— Стой!

— Что за народ?

— Останови коня!

— Стой!

Три рядовых казака спрыгнули с седла на землю.

Офицер, сидя на коне, командовал:

— Обскажи!.. Документы провери!

— Што за люди?—кричала один из казаков, обращаясь к Емельяну, настороженно косясь на Андрея.

За него ответил Андрей:

— Хасебрыки... В город едем... Совошам...

— Слезайте!—кричал казак, оступаясь назад.—Показывайте документы...

Быстро разворотившись, весь воз и осмотрели.

— Ничего нет, разве благородие,—козырнул казак, подходя к офицеру.—Картошка и морковь в мешках... Тыквы есть... Три круга сыру...

— Хорошо осмотрели?

— Так точно, ваше благородие.

— Дай сюда документы?

Офицер принял от казака паспорта, осмотрел карманный фаянсовый, прочел и, возвращая, сказал:

— Вероятно спускаются... Дай, Егорина, в зубы и берни документы...

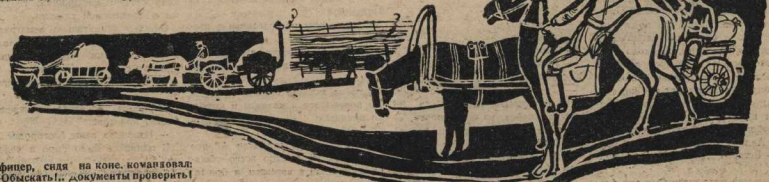
— Казак развзвернулся и ударил Емельяна кулаком в утло.

Паспорта швырнул из телегу.

Андрей тоже ждал удара.

Но казаки прыгнули в седла, и сотня повеселась дальше, шлепая по грязи.

Офицер, сидя на коне, командовал:
— Обскажи!.. документы проверить!





За столом сидел седой капитан...

— Ну-с, молодой человек... Зачем пожаловал?

Андрей сделал глаза враждебные и, гауповато улыбаясь, ответил:

— Не могу знать, ваше благородие... Привел... к вам.

Капитан свдвинул брови и предостерегающе сказал:

— Ты дурака перестань валять... Отвечай коротко и ясно... Иначе я прикажу выпустить из тебя всю дурь сразу!

Андрей косил глаза, улыбался и молчал. Только сейчас заметил, что на столе рядом с булавкой, которую чернил капитан, лежал его паспорт; тут же лежал и толстый персепачатанный пакет.

— Ну-с... Откуда приехал? — спросил капитан.

— Из Щербинки...

— Какая организация послала тебя?

Андрей молчал. Разбегавшимися глазами следил за крошечными золотыми, которые мелькало под пушистыми уснами капитана.

Капитан повисил свой хриповатый голос.

— Я спрашиваю: кто тебя послал сюда? Какая организация?

— Никто не послал, ваше благородие... Сам приехал.

— Зачем?

— Заработать кончался, ваше благородие... Сами видите: чего теперь делать в деревне. Кончилась работа.

Пот сседошными уснами в углах губ мелькнула ирония:

— По какой профессии работали? По какой или по зеденой?

— По сельскому хозяйству, ваше благородие. У казак работал...

Капитан взял в руки паспорт и, глядя на него, стал спрашивать фамилию, имя, отчество.

Сидущая и дряхлая кожа на збу капитана собралась гармошкой к реденькому бобринку. Помолчал, он продолжал допрашивать, упершись в Андрей зсглазом мутных глаз.

— Какой губернии? Уезд?

— Вюронский уезд, ваше благородие... Бобринского уезда...

— Где тебя арестовали? Когда?

— Прошлой ночью арестовали, ваше благородие... На постоялом дворе.

Капитан кивнул головой на пакет:

— А это что... Где набрал прокламаций?

— Здесь набрал, ваше благородие... в городе... знакомый милиционер дал...

Густые брови капитана опять полезли на лоб. Несколько минут он смотрел на Андрея в упор.

Потом схватил со стола пакет. Разорвал его. Ваял один листок.

Стад читать.

Андрей стоял, как тень.

Вдруг капитан резко мотнул голову назад, обаянул чужие не доушей свой блестящий золотом рот и хрипло захохотал:

Ходотал он долго—до слез.

Сдерживал хохот и вытирал глаз.

за платком, он обратился наконец к Андрею:

— Зачем ты набрал этих листовок?

Андрей хмыкнул:

— «Всёмому охоте, ваше благородие, помочь своему правительству»...

Обаяная из-под усов своим солнечные черточки, капитан снова засмеялся.

Теперь Андрей знал твердо, что спасен.

Нарочито диким шаятским смехом подхалахтал капитану:

— Ты-гы-гы... Ты-гы-гы...

Нахотавившись вдоволь, капитан еще раз протер платком свои мутные глаза.

Тяжело отпыхивая, он заговорил, обращаясь к Андрею:

— Где ты распространял эти воззвания?

— На постоялом дворе, ваше благородие...

— Там тебя и арестовали?

— Там, ваше благородие, там... Капитан покачал головой, пусурился и еще раз сказал:

— Идоты!—И нажал кнопку электрического звонка, вызывая кошой.

— Возьми свой паспорт...

На улице Андрей случил стрельба старого знакомого—работного из Юзюки. Он и помог Андрею связаться с местными подпольными казак-башенниками. Оказалось, что из-за опоздания некоторых делегатов с мест открытие конференции отложено было на день. Андрей приехал вовремя.

Вечером Андрей сидел на козспиративной квартире и рассказывал подпольщикам о своих дорожных приключениях. Товарищи смеялись. Больше всех смеялся Василий Знаменский, прибывший из Москвы.

— Ну и молодец ты, товарищ Ужичи,—говорил Знаменский,—ловка! Меня перефотогала...

Помолчал, он спросил:

— Ну, а где же нынче товарища Злобы?

— Здесь со мною,—смущенно ответил Андрей.

— Ну, давай... доставляю...

— Далеко лезть, товарищ Знаменский,—все так же смущенно говорил Андрей, краснея.

— Ну, ну—давай,—настаивал Знаменский.

Помолчал, Андрей вдруг встал на ноги и выпалил:

— Разрешите, товарищи, штаны снять!...

Сдержавшая смех, Знаменский спросил:

— Это зачем же?

Но, не ожидая разрешения, Андрей поднимаясь со своей табуреткой к столу, сел и быстро разул; потом так же быстро скинул с себя брови, распорол ножом пояс у брюк, вынул измозго, тщательное заложенное письмо.

— Вставай... Ити надо...
— Куда?—спросил Андрей.
— В контрозведке,—лежно ответил милиционер.—Вашему брату одна дорога...

Андрей быстро собрался. В канцелярии приселился второй милиционер с двумя пакетами в руках. Он был помоложе и как видно порасторпнее.

— Это?—спросил он, кивая в сторону Андрея, и, не дожидаясь ответа, сказал:—Пошли! Все в порядке... бумаги получены...

Глядя на его пакеты, Андрей подумал, что в одном из них денегистские воззвания «К красноармейцам», отобранные у него при обыске; очень уж подхожд к ним этот пакет—по размерам и обему.

«Неужели не прочтут?—подумал Андрей,—вот дурак!»

Б.

В контрозведке присел Андрей два тоинтельных часа в темном чуланчике.

Пришла казак в кубанке и в ям-пасах и повел Андрея по коридору, а затем через комнаты, занятые канцеляристами и людьми в военной форме.

Басматринали и провожали Андрея косыми взглядами.

Казак толкнул по направлению к двери, на которой красовалась табличка:

Начальник контрозведки.

Кабинет был небольшой. Направо и налево в стенах были две двери, заперенные тяжелыми портфери на темнозеленого бархата.

Прямо перед входом, у противоположной стены, за письменным столом, лицом к Андрею, сидел пожилой человек с пушистыми седошными уснами, с мешками под глазами, с реденьким седошным бобринком на голове. Он был в лацшитой гимнастерке с капитанскими погонами.

Когда Андрей и казак вошли в кабинет, капитан курнул папиросу, читал какую-то бумажку в подерживаемые им цветным карандашом.

Стод завален был бумагами и самыми папками.

Справа, около локтя капитана, на столе лежала наган.

Казак кашлянул.

Но капитан продолжал заниматься своим делом.

Простояли минуты две. Казак еще раз кашлянул в кулак. Капитан медленно разогнул спину, уперся в Андрей серыми мутными глазами, потом перевел взгляд на казак и спросил:

— Это?

— Так точно, ваше высокоблагородие... Это...

Хриповато капитан басид, обращаясь к Андрею:



РАСТУТ НОВЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЛЕТАРСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

На снимках — слева направо: 1) Комсомолка Туркмении Гуль-ния, награжденная орденом. В настоящее время Гуль-ния работает председателем колхоза Элимова Пателя, дехканка им. Кошчи, работает в агкультуре хлопководства, руководит бригадами. 4) Комсомолец медава, туркменка, ватерш-ца; работает на текстильной фабрике в Ашхабаде. Хардинова собирает хлопководство.

И. Осипов

КАК МЫ РАСХОДУЕМ СВОЙ ЗАРАБОТОК

Материалы, собранные редакцией журнала «Смена» на заводе «Серп и молот» и др., доказывают, что большинство рабочей молодежи и особенно актив совершенно не занимается планированием своего бюджета, обычно расходует свой заработок беспорядочно. Неумелое расходование чувствительно отражается на культурно-бытовых условиях рабочей молодежи. Печатаю данный очерк, редакция просит комсомолов, рабочую молодежь высказаться на страницах своего журнала «Смена» по затронутому вопросу, поделиться своим опытом и практикой.

БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ РАСТЕТ

«Видя наши достижения, наши мощные демонстрации, наши враги немало удивлены. Ведь, казалось бы, у нас трудности. Откуда же берется этот энтузиазм рабочего класса, энтузиазм молодежи в нашей Советской стране? Они не понимают того, что наша рабочая молодежь знает, что будущее за ним. Что каждый день приносит им новое и новое улучшение. Рабочие знают, что столько трудоспособной молодежи ни будет приращено ежегодно, они будут заняты работой, они не будут в том ужасном положении, в каком находятся рабочие Англии, Америки и Германии...»

БЕЗРАБОТИЦА, ДЕСЯТИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ, ГОЛОД—ТАКОВА ЧАСТЬ РАБОЧИХ И МОЛОДЕЖИ ЗА ГРАНИЦЕЙ...

По данным Исполкома Коминтерна молодежи, молодой металлист Германии зарабатывает 12—16 марок в неделю, т. е. 6—8 руб. в неделю, или 24—32 руб. в месяц. Людинский молодой текстильник зарабатывает максимум 35 золотых в месяц (около 8 руб.), французский молодой рабочий зарабатывает 110—130 франков, или 7—8 руб. в полмесяца (из доклада тов. Кагановича на IX съезде ВЛКСМ).

ЗАПИСКИ О ЖИВЫХ ЛЮДЯХ

Три с половиной года назад комсомолец Мельник работал грузчиком. Его заработная плата составляла в среднем 75 руб. в месяц, а

отдельные месяцы поднимаясь до 100 руб. В марте 1931 г. он поступил на завод «Серп и молот» подручным резчика-автогенщика. Зарплата его увеличилась до 130 руб. К концу третьего, решающего года пятилетия комсомолец Мельник приобрел квалификацию автогенщика и стал зарабатывать 200 руб. в месяц. Но рост его заработной платы на этом не приостанавливается.

— К лету 1932 г. меня собираются перевести в IV разряд, — указывает Мельник, — и тогда я стану получать 250 руб. в месяц.

От простого грузчика — до квалифицированного автогенщика резчика. От 75 — до 250 руб. Повышение зарплаты на 233,3 проц. Это только за 3—4 года. 75—100—130—200—250 руб. Так растет бюджет заработной платы ударника завода «Серп и молот», комсомолов Мельника. Так улучшается его благосостояние, так улучшается материальное положение всей нашей рабочей молодежи.

Комсомолец Мельник не один. У него жена Аня и ребенок. Аня — комсомолка, кандидат ВКП(б). В 1931 г. она окончила университет. Сейчас работает в кабинете рабочего автора. В начале 1931 г. Аня зарабатывала 150 руб., в середине 1931 г. — 175 руб. В конце года — 200 руб. Сейчас она зарабатывает 250 руб. Так росла зарплата у комсомолов Ани.

КАК РАСХОДУЕТСЯ ЗАРПЛАТА

200 + 250 = 450 руб. Эта сумма составляет бюджет мажоранты семьи комсомолов Мельника.

Как и на что расходуются эти 450 руб.?

Конечно на этот вопрос кроме комсомолов Мельника или комсомолов Ани никто не ответит, потому что речь идет об их собственном бюджете. Но они имеют самое смутное представление о судьбе своих 450 руб. Комсомолец Мельник с трудом припоминает расходы семьи и неуверенно начинает перечислять:

Квартира	— 30 руб.
Питание (в столовой)	— 60 »
Питание дома с разными расходами	— 100 »
На содержание ребенка	— 60 »
Нафта	— 40 »



КАДРЫ, НАРОЖДАЕТСЯ НОВАЯ НАШИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК

жденная орденом Ленина за организацию женского труда в котлох в лем рина в Фарбе. 2) Транспорт-узбек в совхозе „Назта Аран“. 3) Номротехшколе в Ахул-Бекском сельсовете Маргелянского района. Хорошо Файзкая работает на паровозе помощником машиниста. 5) Сафар Мохабаде. Профинплан выполнила на 100 проц. 6) Узбечка, инженер-механическую машину „Турман“ советского производства

Сбережения (сберкасса и займы)	40 руб.
Газ и электричество	15 »
Папиросы	15 »
Прачечная и баня	20 »
Газеты и литература	20 »
Кино и театр	20 »
Членск. взносы	15 »

Итого из бюджета в 450 рублей по приблизительным подсчетам Мельника расходуется в месяц 435 руб. Как будто бы должно получиться в остатке 15 руб. Но такого случая маленькая семья комсомольца Мельника еще не знала. Напротив, так называемый семейный финансовый план почти всегда терпит перерасход. На этом фронте у комсомольца Мельника пролом. А если бы бюджет в 450 руб. расходовался по плану, то «непредвиденные расходы» семьи значительно сократились бы. А сократить их необходимо: ведь культурные запросы семьи Мельника растут.

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАПРЫСЫ ТРЕБУЮТ ПЛАНОВОГО РАСХОДА БЮДЖЕТА

Комсомолец Мельник уже год как учится в вечернем Экономическом институте. Работая на заводе, он в то же время готовится стать инженером.

— И подготавливаю, — говорит он. — Стране нужна новая техническая интеллигенция. Нужны новые советские инженеры-специалисты. Вот я и буду новым инженером — строителем-рационалистом.

Комсомолец Мельник стремится стать не просто инженером, знающим только технику своего дела, а инженером — общевенником и организатором, владеющим учением Маркса, Ленина, Сталина и применяющим его на практике. Поэтому у него огромное желание приобрести подобное собрание сочинений Маркса и Ленина, да еще в лучшем издании.

Расширить квартиру, приобрести новую мебель, создать соответствующие условия для работы над собой, купить необходимую литературу — и много других, вполне правых и вполне здоровых, культурно-бытовых запросов у комсомольца Мельника. Он интересуется постройкой Дворца Советов, интересуется советской архитектурой. Два раза он посетил выставку проектов Дворца Советов. Интересуется

и многим другим. Если года 3—4 назад он ходил в театр и кино 1—2 раза в месяц, то теперь не менее 6 раз.

— Ходил бы чаще, да нехватает свободного времени, — жалуется комсомолец Мельник.

А запросы у него растут не по годам, а буквально по дням. Да не только у него одного. выросли культурные запросы. С ростом социалистического строительства растет и благосостояние рабочих молодя. Повышается культурный уровень нашей молодежи, повышается и культурно-бытовые запросы.

Но как же обстоит дело у комсомольца Мельника с планированием бюджета своего молодого и небольшого семейства? На этот вопрос отвечает Мельник задушевно.

С утра молодые родители уходят на работу. Дома остается один ребенок и шипша. С вечера отец уходит заниматься в институт и возвращается домой поздно вечером. И помимо того у него еще общественная нагрузка. Он член шахмат и группировки, но общественной работы приходится заниматься в выходной день. Дня — культурно-бытовые.

— Вот потому и не занимаемся мы планированием своего бюджета. Да и вообще мысль в голову не приходила о планировании бюджета. Как-то не интересовались этим, — так отвечает комсомолец Мельник на заданный вопрос.

ПРОПАЛИ 100 РУБЛЕЙ

— Куда тратю деньги, да что на их покупаю? Подумаешь, как интересно мне! Хотел бы я их в огонь бросил, не все равно нам? Мои же деньги! Хочу — тратю, хочу — не тратю, хочу — порчу. И какое только событие дело вам до моих денег? Я хозяин своей заработной платы. Заработал деньги, куда вздумается, туда и деню, и никто не имеет права вмешиваться в мои личные денежные дела, — так отвечает Коляка Зотов, когда его спросили в том, как он расходует свой заработок.

Два года назад Коляка работал в фасонно-литейном цехе кройничком. Зарабатывал 120 руб. в месяц. Нехватало ему этих денег. Всегда приходилось занимать у товарищей и с горем нелегко дотягивать до payday.

— И куда ты, Зотов, только деньги тратишь? — спрашивали часто Коляку. — Живешь ты один, круглый холостяк, олеванешься пельменю, а театр ходишь изредка, казалось бы, что у тебя денег должно оставаться порядком, а ты задолжался кругом.

С переходом на другую работу Колькина зарплата повысилась больше чем на 100 проц. Его бюджет составлял уже не 120 руб., а 250 руб., но от этого Колькино материальное положение ничуть не улучшилось, у него попрежнему постоянный недостаток в деньгах. Он даже не может найти 40 «несчастных» копеек на покупку зубной щетки.

Две декады назад бюро пеховой ячейки вынесло Кольне Зотова выговор. Так и записали в личное дело: «Выговор за неплату членских взносов».

— Почему не платил взносов? — спрашивали ребята на бюро. —

Уста! забыл или другое что?

— Да нет, уста! я знаю.

— А почему же?

— Да все денег нет.

Ребята переглянулись.

— А сколько зарабатываешь?

— 250, — отвечал Колька.

И снова направились вопрос — куда и на что Колька Зотов тратит свои деньги? А Колька сам не знает, куда.

— Вот получу, вижу их, а потом — как вода растекается, и сам не знаю, куда. Ну предположим, — говорит он, — квартира 15 руб., столовая 60 руб., папиросы—20, заем—15 руб., членские взносы—5 руб., прачечная и баня—10 руб., ну театр и кино (хотя я туда и редко хожу), ну предположим 10 руб., газета и мелкие расходы 15 руб.—это бюджет 150 руб., а где же мои еще 100 руб.?

И Колька долго роется в памяти, хочет припомнить, но его архипростительные мысли не дают возможности сделать хотя бы приблизительный расчет его расходов.

И так ежемесячно неизвестно куда пропадают 100 рублей.

В ЧЕМ ЖЕ СЕКРЕТ?

100 руб. конечно не пропадают. Они просто бесследно расходуются Колькой на разные непонятные ему предметы, сласти, бездельники; и не потому, что ему некуда деть эти 100 руб., не в этом дело! Дело в том, что Колька еще ни разу не поинтересовался своим бюджетом. Он не делал ни одной попытки планомерно израсходовать свой заработок. Получал 120 руб.—ему хватало. А теперь получает 250 руб. и попрежнему с трудом сводит концы с концами. В чем же секрет? Секрет в том, что у Кольки еще нет социалистического отношения к бюджету, нет хозяйского планирования своего бюджета. В том-то и беда, что у Кольки Зотова люмпен-пролетарские растратничьи взгляды на бюджет.

Ник. Добровольский

НРАВЫ „ТРЕХ ПОЛЮСОВ“

С первой же минуты напряженного трудового дня и до конца его подосбник у стана прокатного цеха Григорий Шимков чувствует себя неловко. Эту неловкость по отношению к окружающему коллективу он носит в себе уже второй год.

Выросший в отсталой крестьянской семье и получивший от нее в наследство бескультурье, Григорий Шимков с первых мальчишеских лет самостоятельной жизни и работы на транспорте—сначала чернорабочим, потом — машинистом,—ревался к иному, сознательному существованию.

Комсомольский коллектив охотно пошел ему навстречу, предоставляя возможность в кратчайший срок усвоить основы общеобразовательных и технических наук, а Григорий Шимков значительно вырос в своем развитии. С 1927 г. став комсомольцем, он по головку ушел в общественную работу.

Но крепко вросшая в род гряд к алкологю однажды все-таки сама-ла настольничью Шимкова, и весь новый, только-еще-вступа-

щий уклад его жизни оказался про-сто вину перед коллективом. Шестьдесят рублей из восьмидесятирублевой выдачи бесцельно тонули в пыльном угаре и мотовстве. Общественно-воспитательная работа над собой и над другими утратила для него интерес и цель.

И однажды в промозглую осеннюю ночь он, Григорий Шимков, вея паровоз сквозь туман по рукам машиниста и еле удерживаясь на шатких, расшатанных ногах, разбил паровоз на первом разъезде.

Был суд, сначала юридический, потом — комсомольский, и он, лишь недавно вступивший в партию, был послан коллективом работать чернорабочим пять лет в прокатном цехе завода «Серп и молот».

Комсомольская организация прокатного цеха окружила его чутким вниманием и товарищеской обстановкой. Благодаря этому Григорий Шимков в короткий срок стал одним из лучших, добросовестных производственников цеха квалифицирован на всем стане. Но Григорий Шимков все еще чувствует неловкость и, не покладая



стороню, ему не на что кутить зубную щетку, у него нет незначительной суммы денег для погашения задолженности по членским взносам, а с другой — у него ежемесячно пропадают 100 руб. неизвестно куда. Колька — хозяин своего бюджета, но это не значит, что он имеет право транжирить его, как ему вздумается. Будто хвостом своего бюджета, но тратит его по-социалистически. Безалаберная, анархическая растрава бюджета ощутимо сказывается на выполнении производственных планов, на темпах работы, а также и на качестве продукции. Социалистическое планомерное расходование заработка обуславливает улучшение культурно-бытовых условий, рационализирует бюджет времени и выработывает во всем планоность. Можно привести множество примеров из жизни рабочей молодежи, когда рабочий парень получает принципиальную заработную плату, но нечего находится в дороге. Это целиком зависит от неумелого расхода бюджета, от отсутствия всякой плановости в этом деле. Сегодня он живет на широкую ногу, а завтра — зубки на полку.

Борьба со злостными растратчиками своего заработка, борьба с люмпен-пролетарским отношением к бюджету, за социалистическое планирование бюджета — один из участков нашей борьбы по выкорчевыванию старых пережитков из сознания людей.

КАК МЫ РАСХОДУЕМ СВОЙ ЗАРАБОТОК

рун, работает, чтобы исполнить свою вину перед коллективом.

Имея в начале тридцатого года месячный заработок в сто тридцать рублей, он сто рублей отдал государству займам на социалистическое строительство, а в тридцать первом году, в среднем зарабатывая сто пятьдесят рублей, подпился на заем на сто двадцать рублей.

После случая с паровозом Григорий Шимков ясно понял, что путь его роста как единичного передового заводского коллектива только одно, это — путь крепкой творческой связи с этим коллективом.

Не удовлетворившись тем объемом политучебы, который дает регулярные занятия в заводском политкружке, Григорий Шимков самостоятельно расширяет круг своих знаний, тратя на общественную анкету до десяти рублей в месяц.

От месячного заработка Григория Шимкова остается после уплаты займа сто двадцать рублей. Шестидесяти вполне хватает ему на питание. Остается еще шестьде-

сят... Куда идет этот остаток? Он до сих пор не только не позволяет себе чего-нибудь лишнего в своей одежде, но даже отстачивает иррациональность.

Какое кому дело, думает Григорий Шимков, если он в свободное от работы часа все в той же грязной одежде, как никто кому не уделяет, если он недолюбливает каждую четкую рубку и мытые уши, считая и то и другое смешными занятием, наконец кому дело до того, что он принял поспешно баню всего лишь раз в два месяца? Ведь все это — вопросы его «личной» жизни...

Неужели долголет настолько неопел и непобедим? Нет, он выплывает теперь очень мало — некогда. Все свободное от производства время Григорий Шимков уделяет только одной цели — получению технической квалификации. На это дело без раздумий он и тратит весь остаток от получения. Григорий Шимков сумел побороть в себе расхлябанность. Он с каждым днем становится все более активным членом ячейковой коллектива. Производственные показатели его все

сти. Сейчас комсомольский коллектив прокатного цеха, учитывая его общественный рост, не дает ему уйти к технике и направляет перед заводскими соревнованиями о снятии с него раннее срока суровой кары за общественную провинность.

Григорий Шильков знает, что он опять скоро станет за руль паровоза, но уже другим, обновленным машинистом, овладевшим техникой своего производства, и в то же время активным общественником.



У него своя «личная» сберкасса.

Для Пети Черныева, валютчик-ка с прокатки, день начинается только тогда, когда он сбросит с потного тела легкую сплodeждающую, и посидит для виду несколько минут в углу какого-нибудь собрания или технического кружка, наконец очутится за воротами шумного завода.

— Петя, очень паскудно с твоей стороны намывать пятнышко... — лопот его на дворе рассеянный цехсекретарь и в десятый раз повторяет один и те же слова. — Веди заводи лейчик, наконец совсем молодой член комсомола и тебе не мешает быть побужде к активу...

— К активу... — чуть с заметной насмешкой растоптан Петя Черныев. — Честное слово, случится так, что... Одно и то же, одно и то же...

Как ни странно, хотя Петя Черныев и числится в членском активе, но он предпочитает торжественно с активными ребята и тянется к «бессловесной массе». Там меньше спрашивают Пета даже обидят на нехвосточный актив. Из-за них пришлось ему подкашлять на птасекретарьском званом, когда ему и без того дести сорока рублей в месяц нехватает на уму всяких интересных вещей. За два с половиной года работы на производстве Петя Черныев пришел к убеждению, что в конечном счете все собрания и кружковые занятия якобы основаны и следовательно их можно пропускать без зазрения совести, используя время для себя лично куда интересней и полезней.

Чего вы хотите от Пети Черныева, он только для того так усиленно

и занимается в плано-экономическом техникуме, чтобы обеспечить себе в будущем еще более широкий материальный размах.

Ну куда к чорту пойдет в голову какое-то политобразование (Петя в принципе не против знания), или какая-нибудь техническая проба, если Петю в тесной, грязной коммуналке ждет несколько записок с замечаниями предложениями и настоятельными просьбами не опоздать.

Он хороший производственник, лучший валютчик на стане, ведь цехаром его зароботок в месяц доходит до трехсот рублей и потому ему ничего не стоит, придвигаясь замечаниям о будущей хорошей своей жизни, просидеть в куртке лишние пятнадцать минут.

Если он числится в уряднике, если он удекает чуть немного времени своим общественным обязательствам, то это только, для того, чтобы не приставали.

Зато какой он заказал себе на Кузнецком синий куртку с огромным лаковым козырьком и сколько купил гаустуков чистого, «бешеной коровы». Ему, правда, не хватает двухсот пятисады рублей. Например для костюма, которые решил он приобрести в эдак во что бы ни стало, потому что перед всеми он уже успел похвалиться будущей обновкой, ему обойдется до трехсот рублей казды...

Полноучки незаметно улавывает какады месяц на кино и театр. Общественным, коллективным посещениям Петя Черныев предпочитает индвидуальное. Это, видите ли, интересней и для себя и с кем идешь...

Газеты и журналы Пете Черныеву приходится выписывать и читать в силу обязанности. Правда, на эти расходы идет незначительная сумма — около пяти рублей в месяц, но Петю это подвешивает просто раздражает.

Он очень интересуется художественной литературе, в частности стихами. Он поэзии почти не знает и не хочет знать, кроме кабакных стихов Есенина. Эти стихи его улавывает не с их художественной стороны, а тем пыльным крепким смаком, который «просто объясняет» и приводит в восторг мезгазельных слушателей. Недавно ему пришлось, скрепя сердце, войти в долги и занять тридцать рублей, чтобы приобрести томя не известных стихов и всех удивить на очередной вечерке головоружих товарищей рифмами.

Грязную инженирскую и дражные носки Пети Черныева содержат пустяками и меньше всего интересуются ими, если эти дефекты в его туалете прикрыты সুকুনным жалетом костюма, ярким накрахмаленным портирником и блестящими «лодочками».

Заработная плата с каждым кварталом у Пети Черныева все увеличивается при той же трудовой интенсивности за счет рационализации процессов производства и механизации заводов. Например если в январе — феврале — марте тридцать первого года он зарабатывал в среднем 180 руб. в месяц, то в апреле — мае — июне ста уже зарабатывать 220 рублей, а в остальных месяцах, по сегодняшний день, он уверенно рассчитывает на 250 рублей в месяц, а если задумает приобрести какую-нибудь сногсшибательную обновку, то «давить» и до 300 рублей.

Только Петя Черныев всегда в недоумении, почему у него не хватает денег даже на принятие питание. Ему часто в конце месяца приходится «стрелять на шамовку» опять же у членовых активистов.

На плечах у Клавдии Склярской лежит почти половина всей цехаческой нагрузки. Она одновременно является членом бюро цехаческой, активным интернациональным работником, вожатым пионеротряда, редактором шести стенных газет и одной сменной, за



Он голодает, но зато у него модный костюм

И тридцать году она получала 54 рубля в месяц, а в начале тридцать первого года — 85 рублей, а сейчас ее зароботок доходит до 150 рублей.

И ей становится досадно на себя, как это она — британский планировщик цеха, отвечающий за наиболее эффективное и экономное использование материалов — в цехах — как своей личной жизни не может правильно использовать а десяти рублей.

Впрочем она объясняет это тем, что совершенно не имеет своей личной жизни. Да откуда же и звать, если с семи часов утра до двенадцати ночи ее не выпускают стены завода.

Меньше всего обидная внималца на вопросы питания, Клавдия Склярская тратит до 20 рублей в месяц на газеты и махистско-легендарскую литературу, но совершенно не оправдывает этот затрат. Литература остается лежать там, куда она была положена, потому что Склярская не имеет лишнего времени, чтобы засесть за ее проработку.

Она очень любит театр, кино, ее подавляющий характер требует культурного раздвообразия, но — время, время...

Взятые билеты часто без пользы пропадают.

В дальнейшем Клавдия Склярская будет зарабатывать около двухсот рублей, и вопрос о рациональном использовании этих средств все больше начинает интересовать ее.

Она понимает, что с ее положением лучшей активистки совершенно не является качественное отношение к себе и к своему бюджету.

И она ищет выход из этого противоречия. Выход найдет и удивителен ее.

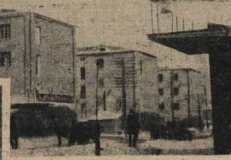
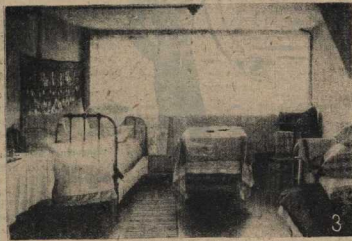
Клавдия Склярская мечтает пойти в коммуны. Но пока это только мечта.

— Эх, и пришлось к ним... — мечтательно шепчет она — Тут тебе и обед приличный, тут тебе и гармошка, отлынь сколько влезает.

Но бюро цехаческой фансозного цеха неучто подходит к своей лучшей активистке, тем самым много терит для себя же Клавдию Склярскую не отпускают в коммуны только потому, что из-за этого боится потерять активного работника.

И больше того... Ее хотят снять с учета, чтобы дать ей возможность уделить все внимание на учебу.

Хотя это еще в жизнь не превратилось, но Клавдия Склярская сама бросает учебу, так как не может уделить с учебой возложенных на нее общественных обязанностей.



Город Све

Ильинский пленуи ЦК ВКП(б) поставили перед собой задачу еще более активного городского строительства, и

Уже в нынешнем году урвать жилищные затруднения канализационных ий. Разрешить проблему путем перевода самолечной и Исет.

Форсировать дальнейшее автобусного парков, замосных метров улиц, разбить улицы, закончить строительство механизированных прачечных.

В текущем же году вешой синтетический театр, ФЭС, диспансер, поликлиника.

Эти большие задачи гордут разрешены при условии внимания всех организаций строительства социализма и редь уральской кооперации до настоящего времени ель вопросы быта и благоустройства.

Город советской молодежи, столица нового, крупнейшего промышленного социализма.

НА СНИМКАХ: 1. Гостиница «Советский институт». 2. Дом промышленности. 3. Дом культуры. 4. Дом чистота. 5. Новые дома для связи. 6. Строительство нового Свердловского строительства втуз-госа на окраине Свердловска. Старый Дом крупнейшего уральского завода (слева). Самый старый дом Енисей в центре города.

ГОРОДОВ



Свердловск

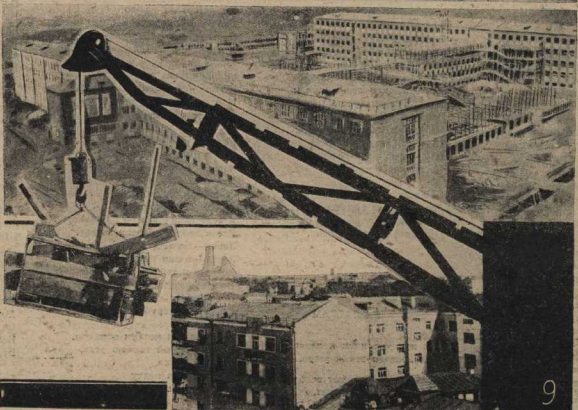
партии и решения Уралобко-
дженеи организациями Ура-
лее резкого по тема темпов
в частности в Свердловске.

нужно в основном ликви-
дации и форсировать строи-
и водопроводных сооруже-
и водоснабжения Свердловска
каналом вод из рек Чу-

е развитие трамвайного и
пять до 300 тысяч квадрат-
скверы, сады, озеленить
ельство двух новых бань и
ших.

необходимо построить боль-
шанно, цирк, три новых
ку, мощный хлебозавод.
и городского строительства бу-
и мобилизации максимума
и этой важнейшей отрасли
в стране, и в первую оче-
екой организации, которая
не достаточно занималась
роисства.

ости, город большевистских
иетриального Урала будет
икультурным центром эпо-



ишой Урал". 2. Физико-терапев-
иальности, рабочая квартира,
и рабочих. 6. Дом печати. 7. Дом
иловского дома печати. 9. Па-
ида. Городок строится в лесу
и Свердловске (в овале справа),
иловского Харитонова (в овале
ирибурга (более 200 лет) стоит

СТИХИ ПАВЛА БЕСПОЩАДНОГО

СТРАННО

Все мне кажется это странным,
И себе и не себе сам,
Чтоб мальчишка, крепко колеч-
данный,

И такие стихи писал.

Ну, когда мне им было учиться —
Я отчета себе не дам:
С малолетства я стал трудиться,
Кое-как читал по складам.

Жизнь была только в корке хлеба,
Грыз и чувствую, трудно пост:
Батка каял и пласты и небо,
И с тоски меня двал до слез.

Ну, а если увидит книжку,—
Пропалай и скрывайся с глаз,
Лаже грамоте видно мальчишку
Научила ты, старик Донбасс.

Потому-то ко всех моих строчках
Толсто лажи, забой, забуй,
Лишь черные, в углах сорочки,
Тожь к песням меня зовут.

Я простил старикам укоры
И портреты пишу под ряд,
Побратимов моих — шахтеров,
Чем живут и о чем говорят.

МЫ ПРИШЛИ

Наши ль мускулы оступят?
Мы живем в горячем веке.
Мы пришли, чтоб горы сдвинуть,
Обуздать шальные реки.

Родились под тяжелой ношей,
Родились под острой палетой,
Чтобы жизнь была хорошей,
Перекрывать столетия.

В этой ломке, перестройке
Будут кровные потери.
Устоит, кто будет стойким,
Устоит, что в стройку верит.

Пусть ценою крови купиш
Эту упорную работу,—
Никому мы не уступим
Половое нашею потом.

Труд огромен, труд огромен.
И упорный постройкой камень.
Строим в строй отряды людей,
Строим вместе с рудниками.

В миллионном рук порыве
Рудников, заводов, пашен,
В неустанным коллективе



Павел Беспощадный является видным поэтом Донбасса. Работая с детства в шахтах, он органически сроднился с жизнью шахтеров Донбасса, поэтому и тематика его стихов носит специфический горняцкий характер. Многие стихи его переложены на песни и поются широкими массами шахтеров Донбасса

Радость наша,
Снасться наше!
С этой силой, с этой волей,
Без сомнений, без боязни
Мы добьемся лучшей доли,
Мы устроим стройки праздник.

Надвигай сталью, мускул,
Стройной музыкой звени там!
Нам нести, нести нагрузку
Из железа и гранита.

Наши мускулы не оступят,
Мы живем в горячем веке,
Мы пришли, чтоб горы сдвинуть,
Обуздать шальные реки.

К ПЛАСТАМ

Мы недаром идем к пластам—
Нам понятен земли устав.

Если дождь орошает всход,—
Зеленеет земля, цветет.

Зашумит кучерявый лес,
Засвищет соловей в саду—
Это — стройная песня земле,
Это — гордая песня труду.
Мы недаром идем в завод:
Нас трудится станок зовет.

Запурилит под полошовой снег,
Звизжит — быть гаубой весне

Улыбнутся ресницы ржи,
Заполет ветерок в трапе,
Это значит, что должен жить
Неустанный творец-человек.

Это дань за пролитый пот,
Чтоб выдать заревою восход.

Трубы бодро шумят, как лес.
И сирены звенят, гудят.
Это — стройная песня земле,
Это — гордая песня труду.

Мы недаром идем в завод:
Нас трудится станок зовет.

Мы недаром идем к пластам:
Нам понятен земли устав.

«ПАРКОММУНЕ»

Рудник мой,
Ты затерялся где-то
Далеко в добласской степи!
Но глазами пробегу газету—
И приветом сердце вспикит.
Узнаю я:
«Паркоммуне» дышит
Шумом безудержного шквала,
И в строках газетных я слышу
Горняцких призывов слова.

Радость дружны
Цена потому нам,
Что скрепляет пылом борьбы,
Оттого,
Родная «Паркоммуне»,
До гроба тебе не забыть.
Я ведь вырос в этой зимней яме,
Где в забоях обушок звенит.

Знаю — трудно,
Воевать в забоях обушком.
Ничего шахты
В стойках и затыках,
Но бетон и вруб недалеко.
Верю я то,
Что каждым метком взмахом,
Каждой новой тонною углем,
Старой шахте
Мы готовим плаху
И полземецких трудовых полях.

Умирай,
Затягивай старуха,
Молодого отбойный,
Выходи!
Нам скорей бы шахту «молодуху
На конейер радости грузить.
Грузим уголь. Грузим жаркий ли-
хо.

На пласты пажали горняки.
Он шумит —
Сореновалы живых,
Он гудит —
Сореновалы шквы.

Не славет моя родная шахта
И напором штабеля берет,
Значит
Крепче и упорней шаг стал,
Звизжит
Дружно движимся вперед.
Путь к победе
Ясен потому нам,
Что уже в святаках не робеть.
Мой привет
Родной «Паркоммуне»,
Неустанной в трудовой борьбе!

УДАРНЫЙ ЭШЕЛОН

Где теперь он мчится
По полям, по склонам,
На какой далекой,
Радостной версте?
Сорокакагонный,
Спешный эшелон мой,
На каких пролетах рассекает
степь?

Где он, сверхпрограммный,
Парова — бунтар мой,
Сколько километров
Пробегал пути?
От пластов донецких,
От подземных армий
Наш привет победный
Скоро ль долетит?
Красная столица,
Принимай подарок,
Дорогой подарок
Шлет тебе Донбасс!
Эшелон рассказывает,
Что живет недаром,
Парова прощается:
— Вперед! Вперед!
Что сегодня недра
Мы берем в бетоны,
От зубастых кривов
Весь Донбасс дрожит.
Эти сверхчурочные антрациты?

Голорит:
— Умеем побеждать и жить!

О БОРОВОМ И ГРИНЕ

Почти незаметными нашей критикой прошлись рассказы В. Григорьева «Отпуск» и Г. Грина «Кадры».

Они представляют большой интерес, ибо, во-первых, посвящены актуальнейшей проблеме социалистического перевоспитания рабочей молодежи и, во-вторых, принадлежат перу молодых удмуртских писателей в литературе. В этих первых рассказах начинающих писателей отражены успехи и недостатки творчества удмуртских. В этом смысле показателен рассказ В. Григорьева «Отпуск». Комсомольская ударная бригада электромонтеров появляется темой, чтобы закончить свою работу ко времени заселения первого корпуса... Бригадир Тришин предлагает:

— чтобы не оскандалиться и выполнить к сроку, придется с сегодняшнего дня...
— Ни-ка-го не пускать в отпуск... —

Из-за этого собственно и разгораются все события в рассказе, из-за отпуска происходит конфликт, стоящий в центре внимания автора. «Заванда» — если так можно в этом случае выразиться — достаточно явственна. В системе определенных фактов, взглядов и настроений, в системе определенного поведения на производстве соответствующее отношение к отпуску является дополнительным (а может и находящимся в ряде основных) штрихом социального облика человека. Но сводить все дело к отпуску, строить весь рассказ на «отпуске» — отказ от него или на использовании его хотя бы и в горячие времена — значит доспелая сузить, ограничить идейно-художественный показ «жизненного» периода в психологическом мазке (Сталин), а по существу и выхолостить все идейное содержание проблемы.

Посмотрим, как действительно обстоит дело у Борового? Один из главных героев, электромонтер комсомолец Шоткин не желает отказать от отпуска, несмотря на ударную работу. Это нежелание не сочетается в образе Шоткина с какой-нибудь целостной системой враждебного отношения его к производству, мы не только не находим здесь системы, — отсутствует хотя бы еще один аналогичный факт, хотя бы еще одно такое же или подобное проявление чуждых производству настроений. Шоткин — не враг.

Но ограничения и сузив постановку вопроса о перевоспитании молодого рабочего в процессе труда, автор естественно не смог сделать идейно-художественного обобщения, вскрыть социально-классовую основу поведения Шоткина и показать, как действительно в процессе социалистического строительства

Дружеский шарик В. Л.



Тов. Грин

под воздействием коллектива рабочая молодежь продолжает непростительное отклонение к труду. И автор вынужден заняться... психологием, чтобы хоть кое-как оправдать поведение своего героя. Посудите сами:

«... А сегодня ему почему-то душно: и одело сжимается с себя и воротится с боку на бок — все пробуется Шоткин, лишь бы уснуть. Тихий и строгий ход часов действовал на нервы, шумный хрип товарищей злил и раздражал».

«... Шотник до боли зажимал руками глаза, прятал голову под одеяло, вдавливая головой микроты подушки, но уснуть не мог».

Герой долго и нудно рассуждает, и все в таком вот духе:

«Нет... чорт возьми, почему же я не могу поехать? Работата же я до сих пор без выходных дней, работал хорошо, лучше всех... — имею же я право отдохнуть или нет? И конечно хорошо, если они уже были в отпуску (Шоткин вспоминает, что это им совсем так, но уже было все равно, и злость нало всем брала веру). Тогда ясно, они меня могут не пускать. А потом, раз администрация отпускает, так в чем же дело? Теперь уже я хозяин, и никто меня не может заставить. Захочу — останусь, захочу — уеду».

И вот он решает остаться и уже оправдывается на работу.

Но по дороге:

«Вдруг со всех сторон сразу завизжали гудки, и люди сразу вытаскивая одну и ту же ноту,

Шоткин словно проснулся... На часах уже было восемь. У шлюпки, не обращая внимания на гудки, все так же беззаботно смеялся».

Шоткин медленно пошелся домой. Так в результате нудного сопоставления решений было не отразилось в отпуску «кадры», «своего проснувшегося», герой поворачивает обратно. Боровой показывает его развоплощен, рефлектирующим, усердным противоречивым. Но совершенно очевидно, что никакого диалектического развития образа здесь нет. Перед нами социально не раскрытый, идейно и художественно «немотивированный» показ поведения рабочего подростка. Автор играет противоречивым. Тень «рождения героя» витает над ним.

Ну, а как коллектив? Какова была его роль до отъезда Шоткина в отпуск, до и после? И «до» и «после» никакого подлинно коммунистического воздействия на Шоткина комсомольским коллективом не оказывал. Впрочем после возвращения героя действия коллектива приняла очень бурные формы... У Шоткина «квартал с столовой хлеб», оставший до без обиды, не дают инструментов и наконец, что более всего замечательно... «взбывают его, притом так, что слышно было только его «приглушенное хрипение»... Нечего сказать перевоспитанным, а автор все это повидимому обобщает и заставляет под конец своего героя раскаться и писать нумерованные записки об этом «бойкотированном» его ребятами».

Совершенно очевидно, что такой показ «роста» классового сознания молодого рабочего, такой показ перелома в отношении к труду никакой пользы привести не может.

Более удачным в этом плане, хотя так же не лишенным многих недостатков, является рассказ тов. Грина. Выгодно отличается рассказ «Кадры» раньше всего тем, что в центре — вопросы классовой борьбы, которые у Борового совершенно вывалили. Грин показывает, что вопросы классовой борьбы теснейшим образом связаны с проблемой воспитания и боевой закалки новых комсомольских кадров, что именно а процесс социалистического строительства и классовой борьбы эти кадры собственно по-настоящему и большевизируются.

«Три года работает Григорий на заводе. Три года прошло с того дня, когда он впервые пошел к ткашкам».

«... Но комсомольцем Гришка не был».

В чем причина этого? Григорий — выходец из деревни, он несет в себе еще ростки мелкобуржуазного индивидуализма. Он боится дисциплины, организованности.

«... Я жить люблю. Появился»

И Григорий не идет в комсомол. В беседах с секретарем ячейки он высказывает свою боязнь собраний, на которые «сходить обязательно».

«Тогда подожду», — заключает он эти «разговоры». Но недолго пришлось ждать Григорию. Первая же сценка рабочих с классовым врагом быстро определила действительно место Григория.

Затесавшийся на производство кулак Шукшин, у которого в деревне «свой дом, корова, лошади», работник Аким, — идет в хвосте противоклассовой агитации. Григорий распознает в Шукшине врага, и столкновения с ним помогают росту классового самосознания молодого рабочего, идеологическому укреплению его в пролетарском коллективе.

Шукшин нападает затем на рабочего, коммуниста Ларина, и это окончательно определяет путь Григория. Он идет в ячейку, пока еще полустрахи, но до конца сознания, почему именно теперь ему следует вступить в комсомол. После превращения неосознанной тяги рабочего молодика в комсомол, в сознательную, классово направленную работу в рядах организации является одной из лучших задач молодежной литературы. И эта задача непосредственно связана с требованиями марксистско-ленинского воспитания молодежи. В этом направлении должны усиленно работать пролетарские писатели, — и рассказ Грина поэтому следует приветствовать. Но нельзя не видеть в то же время его недостатки. На некоторых образах лежат явственная печать схематичности, упрощенного подхода. Так, образ кулака Шукшина близок к грубому паязалу: столь трафаретны их мизансцены. Схематичны образы секретаря ячейки Самки и канитора Рыбкина, не лишены элементов схематизма и наиболее удачный образ Григория. Автору не хватает глубины подхода, и, правильно намечая разрешение проблемы, он однако отделяется поверхностным ее раскрытием.

Задача дальнейшей усиленной работы над собой, над повышением уровня марксистско-ленинского мировоззрения, над освоением всего того ценного, что дала литература прошлого и что дают лучшие пролетарские писатели, со всей остротой стоит перед нашими авторами. Только упорнейшая, большевистская учеба, сомишенная с боевым участием в социалистическом строительстве, может обеспечить творческий идейно-художественный рост удмуртских и сделать их активными в борьбе за создание Магнитогорского литературы.

(О повести С. Свиридова «Комсомольцы»)

Председатель сельсовета бедняк Дранка подкуплен Семеном. У Семена в коммуне свои люди: Каратайкин — секретарь коммуны, Дронов — отец комсомольца Сергея Дронова, Гришка — исклоченный из комсомола, Алесика — сын Дронова, и др. Главная опасность для Семена — партиицы и комсомольцы, и в первую очередь Сергей Дро-

Борьба деревенского комсомола на лесозаготовках, работа ячейки по организации коммуны, классовая борьба в деревне—вот те основные

«Ведь на этом (за разрешением райсо на наделе коммуны земель — Д. Б.) и ездит в город», — думал Сергей. — Из-за этого боролся с Дранкой, из-за этого (?) ушли — все!»
 елочкой в лес, чтобы заработать денег к весне. А там начнется пошат жизнь. Коммуна, общешце, клуб, столовая, ясли... Постояй-ка, а зачем же елси? Разве житьище идем к коммуны? Все же ребята верню начнут баюкать с дядками. Ведь вот

Пытается ли автор показать, что представления комсомольцев о коммунизме неслепы, ошибочны, вредны? Нет. А ведь ему должно было быть известно, что партия дала отпор подобным перегибщикам, создавшим скороспелые коммуны, перепрыгивая через артель.

БОРЬБА ЗА СЕМЕНА—
БОРЬБА ЗА УРОЖАЙ!

Очистка семян в колхозе

КУЛЬТПОХОД В МАО*

Роль комсомола в классовой борьбе автором смазана. Комсомолы не имеют контакта с деревенской беднотой (за исключением, правда, сорокинского батрака Пахомича), комсомолцы вообще оторваны от деревни, противопоставляются взрослому населению. Комсомолы не имеют абсолютно никакого авторитета в деревне (и это в 1931 г.).

Многое в повести разрешается безжалостно или чрезвычайно наивно. Совершенно не оправдано из-за пример убийство Сергеем братом Алексеем. Автор даже не попытается показать, отходит такое различие между братьями и почему отец расположен к одному и в злере (именно злере) ненавидит другого. Автор выходит на сцену свыше двадцати действующих лиц, и все они у него в лучшем случае холодные "манекены".

Жизнь деревни не показана. Запоминаются только походы и драки в революционные праздники. О коллективизации в деревне и не знает. Дальше сорокинской коммуны крестьяне ничего не видят. И это опять-таки в 1931 г., когда коллективизация развивалась подлинно большевистскими темпами.

Явская исключает Тришку из комсомола за хулиганство и продажу мышки мухи. И вот что говорит Макар Тимохин, кандидат партии:

«—Возврата ему больше нет никакого по твою жизнь. А есенин попадет он мне под руку, переломлю пополам за один мах».

Постановка вопроса отнюдь не комсомольская, а между тем автор очевидно согласен, что Тришку нужно было отдать классовым врагам, вместо того чтобы его переломить.

Сюзи введена в действие по недоразумению. Правда, она служит автору поводом для усиления "попесности" различными "историями" (из да Сюзи вражда между Тришкой и Адашкой, с одной стороны, и Сергеем — с другой, ее насилиют, "она мечтает" по-комсомольски любить Сергея и т. д.), которые кстати сказать делают повесть еще более нудной.

В повести много действующих лиц (учительница, Титич, Балашкин и др.), появление и исчезновение которых случайно, надумано. Повесть в целом — неумело состряпанная окрошка из людей и пейзажей.

Выходы направляются сами собой. Справков взяла хорошую, нужную тему, но не справилась с ней. Намерения автора показать действительную борьбу деревенского комсомола за социалистическую переделку сельского хозяйства оказались неосуществленными. Книга — грубый шарж на деревенский комсомол. Убогость авторского мировоззрения оказалась во всей полноте и силе.



1. КУЛЬТПОХОД ОБЪЯВЛЕН

Над Волгою воят вожаки,
Заморозные ветки звенят,
Сыплются, мелкий и колкий
Снег засыплет меня.
Ребятки здорово синятся,
Над нами большая звезда.
Меня тормозит козляшка:
«Товарищ! Гляди сюда».
И вот из лесов и болот
Навстречу марширует плет.
Он весь до горюшка согнут
Из вымыслов чешотки;



* МАО — Марийская автономная область.

Набранный упрямым ознобом
С тяжелым, как блоком, зрлом,
С глазами, налитыми ржавью,
Шатается он и горит.
Проклятая жизнь мари,
Насквозь сморозкавала.
По склизким крутым порогам,
По всем марийским дорогам
Сегодня бегут бубенцы.
К лесопроходу рохочет вечер.
С работы ему навстречу
Идут кандидаты в слепцы,
Жмут десорубы в чашобах,
Где деревья да темень, да старь.
И путь наш направляет, чтобы
Лекарства им дать и букаварь.
Время гремит. И я в нем
Иду в боевом строю.
Итак, культпоход объявлен
В полях, деревнях и в гаю.
Подсапывая, трахомой болыня
В дуремуче небо выходит луна
Но полыхнет новою явью
Земля. И зовет и кричит.
Итак, культпоход объявлен,
И едут в деревню врачи —
И едут бригады анкета

Сквозь темноту и снега,
За нами — дула обреза,
Косые глаза врага.
Но идет нас каждаа школа,
Избуши и кохозники ждут.
Культурный поход комсомола
Сегодня на полную ходу.
И вровень идут с культпоходом
МАО

Песня моя и сердце мое.
И снова основные берега
Да сонный морозный зной.
Течет дорога, и едет бригада
В далекий Оршанский кантон.

2. МАРИ

В комнате сумрак стаял углы,
Прыжка жужжит легко.
И до самых звезд и до Йошкар-Олы

Однаково далеко.
По лесу — скрип сосновых столов,
Но хутор стон нем.
Тогда приходит устал стариков
Ребята из ШКМ.
Они на столе расстилают лист,
В нем еще не поняты ни аза,
Но хозин в газету «Марий-коммунист»

Опускает большие глаза.
И каждое слово, как созна,
Срубил его, расстил,
Попадет смола, жеста и ясна,
Опылки нечист пылить.
Марийка, в кокошнике пестром,
пост,

Людку качая ногой.
На жу старика выступал пост,

КОЛХОЗ



Бежит по глазам огонь
И каждое слово сыпается с губ.
Грем, как удар топора.
И мне тогда говорит десоруб:
«Приходит моя пора.
Я здесь лопатничал, жила и рос,
И горе лишь дал свое.
Допольно! Теперь — я пойду
козляк

С землей своей и семей.
Хутор стоит спокоен и нем,
Прыжка жужжит легко.
И вот ребята из ШКМ
Приходят учить стариков.
И вижу я тогда над столом
Улыбки ребячьих лиц.
И вижу, как движется напролом
Над строчками старый марш.

И раз в пятидесяти, в темную ночь,
Когда от чешотки кричат жалдецы,
Из кантона к нему прижасает дождь
Капли высушать и менять поете.

Она обращается ко мне:
«У нас еще леккультура дома».
Она прикалывает к стене
Семядять пунтион борьбы с трахомой.
Топят печку. Пластаются дым.
Уже керосин на-исходе
И ночь на-исходе. А мы сидим
Над сводками культпохода.
Снова марийка песню поет.
Прижма стучит в утлю.
Звезды гаснут. И мы вдвоем
Уезжаем в Йошкар-Олу.

Йошкар-Ола

КНИГА О КЛАССОВОЙ НЕНАВИСТИ

(Новый роман Шухова)

«Ненависть» — книга о великой перestroйке сельского хозяйства. Она показывает рост классового сознания бедняк-среднего крестьянина, крестьянские массы в сторону социализма.

Шухов обобщает классовые antagonизмы, расколы polarization, происходящие в среде крестьянства. Он подходит к крестьянству не как к однородной, безымянной массе. Ярким представителем бедноты в романе является батрак Роман. Рост его самосознания все ярче раскрывается перед нами действиями классовой борьбы. Роман — отрицание мелкобуржуазного героя-индивидуалиста, героя-сверхчеловека. Он герой, во имя осуществления частной коллективизации.

Правда, Роман не чуужд отдельным проявлениям крестьянского антагонизма, но он бесспорно положительная фигура колхозного движения. Роман — представитель авангарда боевого движения, ведущего за собой массу. Роман на данном этапе должен быть поставлен как пример для тех, чье сознание еще далеко не освобождено от пут私有者, от асоциального мышления, индивидуального хозяйствования, для тех, кто только вступил на новую дорожку, но чьи ноги не шагнули на ней еще достаточно твердой точной опоры.

К числу последних принадлежит Ларя Напатырь и Юронь.

Что представляет собой Ларя Напатырь? Чьи интересы он выражает? Это — крестьянин-бедняк, но с достаточно укоренившимися привычками и понятиями прошлого, воспринявший эти прошлые, пропитанный им до мозга костей. Экономически Ларя привязан к тем, кто объединился в колхозе «Ничто», национализ, но сознанию Лари как раз не хватает тех выживших, которые бы способствовали его направлению по этому пути.

Сознание Лари затменно стремлением стать богатым, он тянется за «широкогрудыми» и «черными». Больше того, он действует в контакте с Епифаном Окатовым, который противопоставит индивидуализму. Конечно у Лари есть классовая ненависть, но от ее долгий свой жизненный путь испытала немало обид и неволи от тех, кому продавался за клочком, но эта ненависть еще приглушена, не определяет поведения Лари.

Шухов показывает, как в процессе классовой борьбы обостряется сознание бедняка от ласки прошлого.

Кроме этих групп крестьянства И. Шухов показал и середнячка, которого повернул к социализму.

Такой Мирон Вилукач. Шухов хорошо показывает качественные изменения, которые происходят в сознании середняка, превратившегося из союзника советской власти в вступившего в колхоз в ее опору после вступления.

Шухов рисует плановое воздействие союза на ход коллективизации, подчеркивает ведущую роль партии и комсомола и в то же время выражает сам протестарского руководства является Фешка, в прошлом батрачка, впоследствии участница союза. Фешка — олицетворение классовой ненависти, непримиримости к врагу и готовности к борьбе. С детства она накопила огромный опыт борьбы. В союзе помогли ей теоретически его осознать.

Фешка на голову выше Романа. В ней уже до конца изжиты крестьянские антагонизмы, колдования, которые нет-нет да прорываются в Романе. Впоследствии Фешка становится руководителем колхоза.

Подробно описывает Шухов работу комсомола в колхозе. Здесь мы имеем верный показ комсомола на фронте коллективизации, чего не удавалось сделать многим нашим писателям. Комсомол выступает в колхозе «ударной бригадой», проявляющей верность своей почве, своей инициативе.

Лучшие представители колхозников — Роман, Фешка, Абдай — воспитаны комсомолом.

Правда, Шухов не удалось показать связь колхозной ячейки с районом, с вышестоящими комсомольскими организациями. Колхозная ячейка оторвана от района.

Шухов со всей страстностью художника-коммуниста разоблачает «тактику» классового врага, срывает с него маску приспособленца. Не доверяй врагу, не прикрашивай его, а оглоди, уметь видеть во всей наготу, во всей неприглядности и бить, бить до конца, вот чего требует роман.

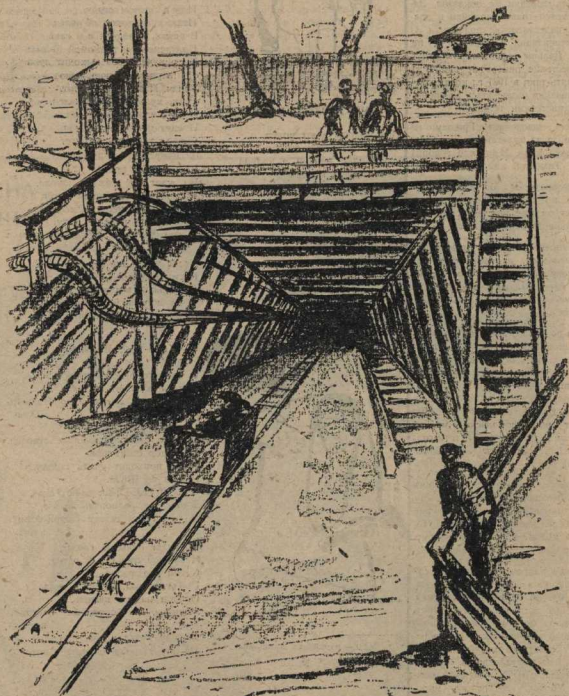
Образ кулака — Епифана Окатова — олицетворяет в себе все то, против чего направлена ненависть Романа, Фешки и других колхозников. Молодое поколение диск-

проуемого класса не уступает «братям» по классу, провала не меньшую изворотливости. Применяя иные методы борьбы, оно остается принципиально на позициях отцов. Иннокентий Окатов, ставший представителем кулачества, остается до конца нашим врагом, тогда как выходом из мелкобуржуазной среды — представителя интеллигенции — учителя Лина, после долгих колебаний, выходясь тем же чувством классовой ненависти, окончательно и бесспорно приходит к тем, кто начал борьбу за новую жизнь. Образ Лины — доказательство того, что писатель политически верно ставит вопрос о непутливости, впоследствии союзниках революции и затем активных строителях социализма.

«Ненависть» — крупное достижение протестарской колхозной литературы.

В МОСКВЕ СТРОИТСЯ МЕТРОПОЛИТЕН

Рис. с натуры Л. Рубинштейна



Прокладка первой итальянской

В ЦЕХЕ ОТКРЫЛОСЬ КАФЕ

Все шло бы своим порядком для Василия Гулянина, если бы однажды в обычный час перерыва в паровозостроительном цехе товарищ по работе, чейковий активист Яшка Сабуров, не затолкнул его в помещение, две недели назад служившее местом свалки заводского хлама.

Василий Гулянин помнил шум в лифте и в цехкомитете по поводу организации субботников, но он до сегодняшнего дня плохо понимал их цель и даже возражал против очистки этого помещения, очень удобного для него по близости к квартире курянки и уюта.

Когда они вышли из тесноты холодного цеха и, сделав несколько шагов, свернули в сторону, а широкие, застекленные двери Яшка Сабурова, радостно потирая руки, заулыбался, а Василий Гулянин даже несколько растерялся.

Он не ожидал увидеть большой белый зал, спокойный свет с потолка и множество мраморных столиков, пестрых цветов. Он не ожидал, что, несмотря на необходимость посетителей, его не будут толкать у кассы, слышать торжественными словами, как и он других. Он давно был убежден, что лучше остаться без завтрака или перекусить, чем подвергать себя испытанию в столовой и весь остаток дня, проклиная себя и других, «клясть» работу.

Но все-таки Василий Гулянин был настроен несколько иронически и в светлом зале, и к спокойным стенам, и к пестроты искусственных цветов на мраморных столиках, считая все это «пустяками».

— Вот как обстроились, — с задором мотнул головой Яшка Сабуров, комфортабельно усадившись у столика, — на весь Союз можно сделать наш Харьковский паровозный цех! Читай, тебе, понравится. Ни у кого этого нет еще... Сдаст полдюжину... Парочку стаканов кофе, булочку и пирожочек...

— Булочка есть с сахаром и маком... Каких?

— Все равно... С маком... Когда подавальница быстро принесла на чистом подносе вкусную пахучую заправку, Василий Гулянин начал, стремясь скрыть свое изумление, откусывать палочку шутки на весь зал. Подавальница заметила ему, что он мало сознатель, что и комсомолец. Она была мобилизована из цеха на работу в кафе как лучшая пропагандистка. Яшка Сабуров немедленно расправился с Василием,

обозвав его идиотом, и после пойти перед завтраком вымыть руки. Сам Сабуров завтракал в цеховом кафе уже не первый раз и знал, что подавальщицы организованно отказывались обслуживать рабочих, не желающих соблюдать элементарных правил гигиены.

Василий Гулянин поглядел на свои липкие от грязи ладони, которыми было как-то неудобно браться за стакан, тарелку, и отправился мыть руки. Дорогой он вынул из кармана следовки сохранившиеся, измятый, косок пригнот, асфальтный завтрак и бросил его в утиль.

В кафе было тихо, хотя завтракала четыреста человек.

Яшка Сабуров и Василий Гулянин блаженно отдыхали, просматривая газеты.

Потом Яшка Сабуров стал рассказывать.

Он сообщил, как после решения октябрьского пленума ЦК партии об улучшении рабочего снабжения и организации подполья социалистической торговли в цехах заводского коллектива, в цехе паровозостроительного цеха — возникла мысль устроить в своем цехе, под боком, кафе, настоящее рабочее кафе, без всяких трактирных пережитков, где бы каждый рабочий мог кроме завтрака получить отдых и культурно-воспитательные навыки при помощи лекций с трибуны кафе.

Возмущаясь, Сабуров стал ругать кооперативные организации, которые это предложение сначала поднимали насмеш, а потом, когда его все же осуществили и дело стало неудобно развешиваться, пытались махнуть на него рукой, ссылаясь на свою перегруженность другими такими снабжения, будто бы более важными. Только поддержка местного ЦРК обеспечила современное снабжение кафе добровольческими продуктами.

— Ты помни, — близко нагнувшись к Гулянину, развивал свою заветную мысль Яшка Сабуров, — один коммерческий оборот по нашему кафе достигает полутора миллиона рублей. Всем выгодно. Рабочий получает продукты по пониженной на пятьдесят процентов цене. Кроме того мы разгружаем отныне столовую, даем рабочему быстрый и вкусный завтрак, и все это отнимает только двадцать процентов от рабочего бюджета. В тракторном и других цехах уже скапливаются за наш опыт, и это хорошо. Мы им советуем даже, из-за отсутствия помещений, срочно очистить раз-



Перед открытием



Во время лекции

девалку... Раздевалка, — чорт ее пей, для нее место всегда найдется... Это дело надо всецело популяризировать... Пожалуйста, еще два стаканачика. Замечательное настроение делается...

Василию Гулянину и без раздельных слов Сабурова приятно было пить пахучее кофе с толстым молоком, никому не наступать на ноги и не обжигать в спешке губы.

Он позавидовал про свое пренебрежное отношение к кафе и внимательный расправился Яшк Сабурова, когда в кафе вдруг делались, по какому вопросу и кто ее будет читать.

Тонкого ответа ему Сабуров дать не мог, но все же Гулянин ушел более чем довольный, с живым желанием поделиться со своей бригадой впечатлениями как о качестве, так и о количестве завтрака.

Работалось ему в этот день как-то легче, точно он только недавно вернулся на дома отдыха и еще полон свежих сил и впечатлений.

Он все удивлялся про себя, как это стакан кофе, выпитый в спокойной обстановке, так повлиял на настроение.

Подходящая бумажная лекция в кафе была посвящена международному положению. Лектор говорил спокойно и остроумно.

Василий Гулянин, как и многие старые кадровики цеха были ма- дограммисты, всех газет прочесть им было не под силу, и потому все они были рады послушать лектора. Василий стал регулярно ходить в кафе, пить кофе и слушать лекции. Через несколько недель усталый рабочий в цехе Василий Гулянин, проверяя вместе с Яшкой Сабуровым качественные и количественные итоги последнего квартала, увидел, что цех выпустил сверх нормы полтора паровоза.

Никогда еще цех не достигал такого производственного эффекта, а Василий Гулянин отчетливо понял, что он допустил в свое время ошибку, удалившийся от участия в субботнике по очистке заброшенного помещения цеха...

НАПРЯЖЕНИЕ

В учебниках на рисунке Ляндрес видел величественную турбину «Метрополитен-Виккерс». Она стояла, черная галками, закованная частями. Хитрые манометры и вакуум-метры окружали ее. Машина была громадна.

Рядом с турбиной на рисунке стоял человек. Фотограф поставил его, чтобы «оживить» фон, показать невиданную мощь машины. Ляндресу казалось, что человек на рисунке сознает свое ничтожество по сравнению с громадой, прачущей в себе сгустки света и теплоты. Машина давила человека.

За свою жизнь Зиновий Ляндрес немало вознался с машинами. Он испытывал к ним теплое чувство, но что вроде любви, смешанной с уважением. Он преклонялся перед умом, заключенным в тесные приборы, в гудящий мотор, в простой станок, скромно исполняющий свою обязанность в каком-нибудь захудалом цехе.

Окончив электротехнический факультет Пехавского института в Москве, Ляндрес поехал на Урал. Ему дали путевку в Челябинск. Там стояла мощная ГРЭС и шедшая молотка.

Недостроенный корпус электростанции уже высился за городом. Его окружали леса. Ветер не вдал многоголось шум. С грохотом падал серый бетон. Звенела арматура. Участки жидк. привинчив, торжоркой жизнью, стремясь обогатить время.

Станцию рассчитывали на столетие тысяч киловатт. Несконченные провода должны были нести отсюда тугую ток на запад и на юг, на север и на восток, в Златоуст и в цехи Кыштыма, в Свердловск и Карабаш.

В зале уже стояла первая турбина. Шел монтаж.

Машина была открыта. Бесчисленные трубки, диски, клапаны выдвигались из ее остовов. Буквы «М» и «У» переплетались на боку

турбины. Она была сделана в Англии на заводе «Метрополитен-Виккерс». Ляндрес вспоминал учебник и внезапно почувствовал себя в роли человека на рисунке.

Первую турбину монтировали шесть месяцев. На стройке не было квалифицированных слесарей. Приходилось готовить кадры, переделывать, ошибаться, учиться. Все же представители фирмы мистер Ридл дал машину в точно установленный срок.

Ляндрес добросовестно разработал план. Он советовался с мистером Ридл, производил теоретические выкладки и наконец пришел к выводу, что на монтаж нужно также шесть месяцев, что всеместить крепких людей. Кроме всего прочего за этот срок голосовал двадцатипятилетний опыт «Метрополитен-Виккерс». По словам мистера Ридл, весь мир монтировал их турбины погоды. Ни дня меньше.

Ляндрес отнеслся к мистеру Ридл так же, как и к машинам. Это был крепко ступил опытный работник, толстый, как турбина, не знающий, что такое усталость, — механизированный человек. Ляндрес завидовал его знаниям и уважал его.

С планом мысленно Ляндрес пришел на собрание партячеек. Нужно было, как выражались, «сложиться» о ходе монтажа.

Собрание шумело, и Ляндресу почему-то казалось, что все присутствующие заняты каким-то своим делом, что по сути их вовсе не интересует машина, что они не любят турбину, как он, Ляндрес. Собирались, что пуск намечается в июне, Ляндрес сел, прислушиваясь к морю отсережен егее.

Собрание стало обсуждать план. Рабочий в испанской спецовке Ляндрес смотрел на него и не мог вспомнить его фамилии — горько доказывая, что турбину можно пустить раньше. Зиновия немного обидела эта самоуверенность. Это походило на левое. Он, Ляндрес, несколько лет учился в институте. Мистер Ридл — бывший инженер — по монтажу. Как может опровергнуть их мнение этот рабочий, молодой, очевидно комсомолец? Комсомольца заменил старый рабочий. Он тоже возражал против сроков плана.

Зиновий вышел к столу.

— Здесь, может, разговаривать, о чем угодно, — сердито сказал он. — Однако план надо утвердить. Весь мир монтирует эти турбины погоды, — провнес он любимую фразу Ридла. — Мы физически не можем усмотреть монтаж. Да и люди у нас неопытные...

Председатель собрания, стукая карандашом о графин,

— Не хитрите, Ляндрес, — дру-

желбно проговорил он. — План я не неудачен. Хорошо бы к первому мая пустить.

— В цех, пришли комсомольцы. Они взяли шефство над монтажом и теперь хотели побеседовать с мистером Ридл о сроках. Он упорствовал и попеременил все монтажные расчеты на шесть месяцев, согласно договора.

— Вы инженер? — спросил Ридл у долгого секретаря комсомольского комитета Богданенко.

— Нет...

— А я инженер. Я вам говорю, что турбину можно сделать только к июню.

— Комсомолю может раньше...

Мистер Ридл посмотрел на Богданенко.

— Если фирма, насколько мне известно, подписала договор с управлением, а не с комсомолом.

Он повернулся и, пересаживаясь, пошел к выходу.

Ляндрес в эти дни ломал голову над тем, как ускорить монтаж. Он ходил по цеху, пытаясь не вглядываться в людей и работу, и неожиданно для себя нашел путь: турбину надо разбить на участки, создать развиртуальный, широкий фронт работ. Не копаться всем на одном месте. Перейти на две смены.

Он затворил о своих планах с мистером Ридл. Англичанин холодно отвечал:

— У вас так не делают.

И добавил почему-то любезности мои русские слова:

— Я не бог...

Рабочие на митингах требовали ускорения работ. Упорствовал один Ридл, и его слово ретиво. Он холодно относился к планам и замыслам Ляндреса, и Ляндрес, наоборот, как Ридл старелся задерживать работу, увидел, что англичанин вовсе не так хорош.

С Ридлом решил хитрить. Ридл давал на монтаж той или иной части турбины три дня. Монтажные записки в два. Партячей и комсомольцы помогали монтажу. Субботники, сверхурочными работными ускорили темп.

Ридл с удивлением смотрел, как крепнет монтаж, как истают холодные части мощной турбины с резежем «Метрополитен-Виккерс». Он пробовал придумать, по что удавалось в редких случаях. Качество работы большей частью было безукоризненно. Ридл не понимал монтажников. Они копались в машине день и ночь, залезая в нутро. Его не удивляло, что Ляндрес не уходит из цеха. Конечно Ляндреса сплавляет партисциплина. Но беспартийные слесари, рабочие? Почему они отдают работе все? Это загадку ум мистера Ридла отказывался разгадать.

А Ляндрес давно не чувствовал себя «человечком на рисунке». Впрочем, может быть, не хватало времени об этом думать.

Вместе с коллективом он давал жизнь металлу. Цех грохотал и...



Ляндрес разрабатывал план

ром, днем, ночью. Бригада Дементьева в марте отказалась от выходных дней. Бригада Воинова — ударники Барабанов, Занкин, Челищев, Кузнецов, Агес, Симонов — работа, ла без отдухи, стараясь пустить турбину к первому мая.

Казаюсь в этих людях скрыт тон высокого напряжения, который они передают металлу, оживляя части машины.

Каждый из этих людей был резидент. У каждого был свой подход к делу, свое отношение к металлу. Их обожали в цехе, тут же спуска, ждали превратить груз металлических частей в турбину, дать ток цехам и заводам поселкам, туго светящимся по вечерам. Им была присуща хозяйская заботливость о сроке. Рабочие приходили в цех полуторными, квалифицированными.

Берестова например поставили на первую турбину подручным слесаря по третьему разряду. Берестов усердно учился, читал, ел, пил в табуны профессии. На второй турбине он уже был слесарем.

Груз прошлого шел на плечи многих, и прошлое иногда пригибало людей к земле. Реальный слесарь Меделев был запоем. Он старался держаться, но не мог, немощно хватываясь его в плеч, и раз в месяц Меделев исчезал на несколько дней.

Ляндрес теперь особенно горло прикладывал к людям. Конечно и до Череп он видел производство, сам был рабочим, потом — конструктором. Сейчас люди стояли перед ним в каком-то необычайном свете, и Ляндрес стал понимать многое, чего не понимал раньше.

Ридл все еще упорствовал. Богданенко напрасно пытался в цех, пытаясь убедить его разговорами о Гарри Поллите, мировой революции и монтаже. По всему Богданенко видел, что англичанин мало заботится о мировой революции.

Мистер Ридл сдался только 20 апреля.

Это было вынужденное отступление. Монтаж уверенно подходил к концу.



Станцию строили на 50.000 квт.

Зинный оставался в цехе по 14—16 часов. Он уходил домой поздно вечером и, только обрывая листок календаря, вспоминал, что на улице оттепель, почерневший снег и должно быть днем бывает уже тепло.

Гриздатого апреля от недосыпания у него болела голова. В цехе бурился суматоха. Слесари лихорадочно доделывали мелкие неполадки.

В два часа, в ночь на первое мая, монтаж был окончен. Ляндрес вытер руки и, морщась от головной боли, пошел домой.

По участку брело утро.

Пришла весна.

От мастера Ридла в цехе Чегрэс осталась только поговорка: «Я не бог...». Он уехал в Англию, увозя вместе с чемоданом удивление перед людьми, которые, не имея опыта, дерзко сжали срок монтажа. Весь мир монтирует шесть месяцев. Ни дня меньше. На Чегрэс смонтировали турбину в пять месяцев!

В машинном зале уже рокотали две турбины. Они посылали заводы и городам сорок восемь тысяч киловатт.

Чегрэс приступала к монтажу третьей турбины.

Ляндрес попрежнему работал прорабом.

Эти пять месяцев научили его многому. Они были для него той школой, которая нужна молодости, которая дает зрелый опыт, твер-

дый, спокойный глаз и непоколебимую веру в человека.

Он теперь иначе относился к металлу и кала в основу планов не двадцатипятилетний опыт «Метрополиен-Виккерс», а желание людей, вот эти бои о бок с ним работающих людей, давшие покосеют под новым заводом, зажечь электрическое зарево отгней в хмуром уральском небе.

В новом плане стоял жесткий срок—четыре месяца. Новый представитель «Метрополиен-Виккерс» мистер Уотгун соглашался на этот срок. Опыт второй турбины внушил ему уважение к монтажникам Чегрэс.

Двадцатого июля начали работу. Для коллектива опять потянулись трудные, напряженные дни. Монтаж подвигался тяжело. Люди спотыкались на ухабах неполадок. Нехватало материалов. Приходилось дожидаться частей.

Не было чужбных подушек для подкаранного пути. Железная дорога, очевидно перепутав адреса, отдала их Челябинскострою. Подушки долго ржавели на складе, пока их не пролили на слом. Рудметаллург поспешил сбрызнуть их в Ижевский завод. Агент Чегрэс, чудом разузнавший о судьбе подушек, кое-как раздобыл половину их. Остальные Ижевск успел использовать.

Жалть новых подушек не было времени. Ляндрес измучил, вымучивал и наконец сконструировал при-

способные для пути. Кран получал возможность переносить тяжести по всему цеху.

А люди все ускорили сроки монтажа. Всающиеся трубы к циркуляционным насосам надо было собрать в семь дней. Бригада Агеева справилась с этой работой в четыре дня. На сливную циркуляционную линию по плану было положено десять дней. Бригада Артемова собралась ее в шесть.

В сентябре ударили выдвинули встречный план—окончить монтаж к четырнадцатой годовщине Октября.

В октябре на Чегрэс приехала председатель Энергострой. Он осмотрел монтаж и вечером на техническом совещании заявил, что турбину надо во что бы то ни стало пустить первого ноября. Это значило, что на монтаж давался три месяца десять дней. Ляндрес неожиданно вспомнил мистера Ридла: «Весь мир монтирует наши турбины полгода».

План Энергострой, поспорил, принял. На Чегрэс многие сомневались, уларик не уходили из цеха по 16—18 часов. Ляндрес почти не спал.

Люди работали напряженно. Опять, как и тогда, перед первым маем, ударились не уходили из цеха по 16—18 часов. Ляндрес почти не спал.

Двадцатого октября выяснилось, что и эти сроки можно сдать. Рабочие выдвинули свой встречный.

Двадцать шестого октября монтаж был закончен. Турбину монтировали три месяца шесть дней!

Это был сокрушительный удар по гордой фирме «Метрополиен-Виккерс».

По отсечной лестнице Ляндрес забирался на площадку. Сейчас будет производиться испытание подкаранного пути, устроеного без подушек. Нужно подтянуть и поставить к турбине тяжелый электрический статор. Выдержит ли нет?

Пока кран медленно ползет к статору, Ляндрес оглядывается зад. Идет монтаж четвертой турбины. Она уже стоит на фундаменте, огромная и величественная. Везель «М» «V» уже нет. Эта турбина сделана на советском заводе в Ленинграде. Пока здесь, на Чегрэс, пытались основали монтаж, учились премудростям сборки, там билась над советской турбиной.

Кран подползает. Опускает тяжелый кран. Ляндрес опять смотрит на турбину. Люди торопливо монтируют части. Хуленский, заросший ленинградский монтер Емельянов, ползущий здесь жестокая, простуду, показывает что-то слесарию.

Три турбины гудят. Ляндрес чувствует биние их сердец, и на минуту ему кажется, что не ток, а часть его самого пробирется по дорогам, лесам, болотам, чтобы всплывать в соломенной избе мужика, в цехах заводов...



ХРИСТОС В ЛИТЕЙНОЙ

Стих. Дм. Кедрина

Рис. Решетникова

Ходит мастер Грачев
Между лозом наполненных бочек,
Закликает вагранка,
И вязкая шикта густа.
Растворяются дери,
И поторо черноробких
На тяжелой тележке
В литейку привозит креста.
Он лежит, как бревно.
Перед глухой, сердитой вагранкой,
Обреченный, молчит,
Как баран под ножом на торгу...
На чаше его—венчик,
На вилках груди его—рапка.
И Грачев молотком
Ударяет в зеленый чугун,
— Ты мне алом грозил,
Жизнь и труд у меня отбирая.
Ты мне рай обещал
За терпение мое на земле.
Я не верю в тебя.
Мне не нужно ни ала, ни рая.
Собирайся, обманщик.
Ты сам побывал в котле.
Ты в хозяйстве страны
Пригодился нам, идола грошевым.
Мы в работу возьмем
Твой густой и глупый металл:

Переключи тебя,
Мы в вагонах чужбиной, дешевой,
Упрощенной детально
Заменяю шикетную деталь.
Те с вагранкой жгут,
И Грачев говорит:—Унесите!
Рельсы глухо звенят,
И вагранка бурлит горячо.
— Попадai, человек!—
Уношлет Грачева слепистель.
— Я сvaro тебя, боже!—
Ему отвечает Грачев.
И чужбиной бога—
К вагранке несет, приседаи.
И, смеясь, погрязают
В горячий кисель чугуна.
Он скрывается весь,
Лишь рука сморщившая худая,
Сложена для креста,
Из вагранки вылазит одна.
Он взымал эту руку
С перстом заостренным
И тонким,
Проповедую инициам
Смиреньи в печали земной,
Над беременной бабой,
Над чахлым чингитным ребенком,
Над еврейским погромом,
Над айселей,

Над войной.
Мастер ходит вокруг,
Полыная несом понемую.
Мастер пену снимает,
И являи пена редеа.
— Убери свою руку!—
Грачев обращается к богу.
А вагранка бурлит,
И она исчезает, рука...
Тонет в грохоте шпалевый,
Сборка стрекочет и шипит,
Гидравлический ухаит,
Кузня разводит парм.
Это дышит индустрия,
Это Вагонный в Митищах,
Напрягаеа, гудит,
Ликвидируи прыорр.
Я люблю этот гуд,
Я привык и механическим бурм.
Я на камень скажу
Мое набобтах землею олок.
И подползат Грачев,
И Грачев предлагает:
— Закруним!
— Что ж, товарищ,
Закруним,
Покуда он вяртается
Бог.

ОХВАТ НАРСКОГО СЕВЕРА

(Окончание)*

Жирная река

Ныдамо. Ныдамо. Ныдамо Гыдамо. Ныдамо. По-разному называли то место, где отгал свои вояки воздушный корабль.

Первая зимовка в Гыдамо дала триста песцов и несколько сот оленевых вымортков. Фактория не имела товаров, необходимых для туземцев. Медные чайники простояли всю зиму на полках фактории. В безлесной тундре было неудобно кипятить чайник, и туземцы обходились без него. С большим трудом они привывали к белью. Никто из туземцев не знал о сетях и неводах. Первые пять туземцев, незалого до нашего приезда объединившись в артель, добыли в течение пяти суток, делая две топи в день, одним неводом Комсеропуту семь топи сельди и чельма.

Юрибей по туземному означает жирную реку. И Юрибей жирен рыбой.

— Здесь будет полария Аспрахм! — сказал один из зимовщиков, сидевший на корме лодки, встречавший нас.

— Не Аспрахм, а скорее Терберка, как мы на Мурманском берегу, — заметил старый зимовщик, проплавивший шестой год за полярным кругом.

Мы вошли в просторный дом, где было много народу. В большой русской печи хлебопек рассказывал хлеба, и пахло вкусно, как в булочной. Туземцы с большим интересом следили за работой хлебопека.

— А газет привезли? — спросил нас доктор.

— Самые последние — от третьего сентября.

— От третьего сентября, да как же так быстро?

— А мы недавно в Красноярске были.

— В Красноярске! Ишь ты! И обратное уже на север облетелись! Вот бы с вами летать! — говорила огненно-рыжая женщина, оставшаяся звать в Гыдамо.

— А что нового в Красноярске? И вообще, что слышно во всем мире?

И каждый, кто знал, то и рассказывал зимовщикам, жадно внимающим каждое новое слово.

На «Красноярском рабочем», стоявшем на якоре в Гыдамоском заливе, было мощное радио. Радиостанция Пескотинова каждый вечер держал связь с Красноярском. Из Гыдамо волны эфира летели в Красноярск и Новосибирск.

Засидев самолет, Пескотинов, говоривший с Диксоном, рассказывал

вахтенному радисту ключом Морзе о том, что самолет показавшийся над Юрибеем.

— А где Чуховский? — спросил Пескотинов радиста Диксона.

— Прилетел сейчас из ледовой разведки. Пошли атросом с ребятами в баню.

У Пескотинова были действительно наиподробнее новости, и нас несколько влекло к этому радисту.

Мы уходили в залива за 30 километров от зимовки туды, где стояли теплоход и разгружавшийся лхтер.

Мы походили на «Морже» к лхтеру с наветренной стороны. По трапикам мы взобрались на лхтер, где нас встречал Громалеский.

— Куда нас застали с теплоходом? В такую позловую осень! Позвинуется шторм! Мы выберем из вас этого лодовца Завичем и потянем вместе с оленем — безоспокойно отсутствию Лаврова несколько человек из экипажа «Красноярского рабочего».

— Нить, нечего, — сказал Лавров. — Сейчас дорога клевая минут! Нужно быстрее работать, динать разгрузку на полный ход! По ка мы мне не разгрузите теплоход, и вас не отпущу отсюда! Это знайте наперед и твердо себе зарубите!

Всю ночь просидели Лавров с Громалеским в тесной каюте лхтера. В короткое часа надо было переговорить о многом.

Вся каюта Громалеского была заставлена рюкзами, центрами, ма-лопушками, моржовками, которыми были морских зверей.

— После завтра к двенадцати часам для разгрузки лхтера должна быть закончена! Мы не можем более одного часа задерживать теплоход в море. Это грозит ему гибелью! Наступают осенние штормы! — предупреждал Лавров Громалеского.

— Знаю, — говорила старая зимовщица. — У меня остались пока в трюмах соль, уголь, керосин. Все остальное уже на берегу.

Оставалось сделать только одно — грузить керосин в море. Так и было решено. К нашему приходу в Гыдамо зашла бочка клевала уже на берегу, куда их выбросило уминое море.

Суглан в Юрибей

Когда «Морже» подошел к фактории Гыдамо, изба была уже битком набита туземцами и шло великое чашевание.

Лавров отключился, похолоднув свой табурет поближе к людям и начал говорить.

Возле него на полу сидел тол-мач, который перевел слова Лаврова на язык туземцев и речи людей тундры на русский язык.

— Сюда в Гыдамо приехали много русских людей, — начал Лавров. — Они привезли с собой много товаров, которые вам нужны и за которыми вам приходится ездить очень далеко.

— Раньше вы пролавали только песца и оленя. Теперь мы будем покупать у вас и рыбу, которой так много в Юрибее. Мы привезли сюда невода и лодки. Кто хочет из туземцев ловить рыбу своими артелями, те могут получить эти невода и заплатить за них рыбой. Кто не хочет покупать невода, а желает работать в фактории, — поступает на работу и за каждый туземца рыбы будет получать деньги или товары.

— Сделайтею самый белый самод, у которого нет ни оленей, ни собак, все равно белыми не будет, если начать рубить в фактории. Наша цель — улучшить жизнь в тундре.

Туземцы дружно рассмеялись.

— Туземет делает сейчас две топи в день, — продолжал Лавров, — а русский делает более шести топей в день — мера. А цена на рыбу خوبна, не дешевая!

— Следующей весной привезем олень-доктор в Юрибей вот на такой птице, на которой мы сюда к вам прилетели, — показав Лавров на окно, в которое был виден распластавшийся на воде самолет.

— Привезем доктора, пусть посмотрит ваших оленей. И школа для малыхких туземцев нужна! Сейчас туземет даже сосчитать не умеет, сколько он чего добыл. Тот туземет, который ничего не добыл, тот плохой туземет. Ему помогать не будем.

Суглан закончился. Туземцы за-няли места у стола, и началось великое чашевание.

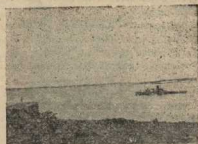
Лавров ушел с начальниками зимовки в контуру, где лежали факторы на товары гыдамоской лавки.

Всю ночь в фактории шелкали счелами, проверяя цены на товары, снижая их, делая доступными для людей тундры, которые дадут по-собку советской власти и от нее в ответ получат помощь.

Над морем и тундрой

Собрание туземцев на Юрибее олобрило место выбора фактории в Гыдамо. Вместо того, чтобы ходить далеко в Таваскую факторию, белых тундры се найдут теперь в Гыдамо. С появлением фактории отключается новый источник доходов для туземного населения — лав рыбы.

Плавить первого сентября воздушный корабль «Комсеропуту» 2 должен был ухлнуть из Гыдамо.



Мы походили на «Морже»

Туземцы еще не разошлись после суглана. И многие начали на факторию и снова чаевали с нами.

Некоторые из них принесли с собой нам на память крошечные медные куколки-хукоки, головы которых заменили утиные клювы, а оложа представляла точную копию туземной. Так же простей бисером и шпестными лоскутками оленьих меха хуколки.

— До свидания! — сказали мы туземцам.

— Лакомой! — ответили кочевники тундры.

Минута — мы были в воздухе, и самолет ширял над зимовкой, пропавшись с людьми, которые остались на этом форпосте крайнего севера Советов.

— Вы прилетайте к нам до пролохоты! — сказали нам на прощание зимовщики. Мы будем ждать вас с нетерпением! Привозите газеты и письма.

Мы выхлудили в Енисейский залив. Видны уже были его берега с самолета. В заливе шло большое стадо белух — морских зверей, выбивших флотами, подобно китам. А наветрете этих гигантов Красноярского моря шел советский гигант-ледосов «Молодость» с полным грузом пленного экспортного лосося.

Последний этап мы проходили низко над тайгой, не видя мочуей реки. Неужелижно за лесом попадаются штабелы лесной бижии Игарского порта и встают черные трубы его заводов.

А вот и мачты радиостанции.

Самолет кружит над Игарской протокой, ищет место посадки. Протока застелена плотинами, бажками, морскими и речными пароходками.

После двух кругов «Комсеропуту» 2s сплывающий на Енисей. Моторы затихли. Мы планируем, но долго не может пилот прикнать к воде самолет.

Наконец мы в Игарке.

Запрещен блестящий объект Карского севера. Первые так поздно из Игарки на север ушел и вернулся, выполнив задание, морской самолет.

* Началось см. в «Советы» №№ 1, 2, 3-4.

ЗАЙДИТЕ НА СОФИЙСКУЮ, 8

Далеко еще не все комсомольские комитеты и коллективы поняли, что улучшение культурно-бытовых условий рабочих является одним из решающих звеньев в борьбе за промфинплан. Печальным ниже материал об одном из ленинградских общежитий рабочей молодежи лишний раз подтверждает это

Недалеко от Ленинграда находится дачный поселок Шувалово. Зайдите на Софийскую, 8. Здесь помещаются общежитие комсомольцев завода им. Карла Маркса. Здесь живут те, кто день за днем дерутся за каждый процент выполнения промфинплана. Около 40 комсомольцев-ударников разместились в двух этажах спартанского среди деревьев здания.

Зайдите внутрь общежития. Тусклый свет свечи не в силах разогнать тьмоту. Но все же видны голые стены со стоящими волею ни копейки. По стенам скользят причудливые тени. Ребята разостлались кто как горазд. Одни сидят на койках, другие просто упились на полу. Ни столов, ни стульев, ни табуреток в комнате не видно. Впрочем в углу стоит утешенная откудова-то скамейка. И это все.

Кто-то, примостившись поближе к свечке, пробует читать. Дрожащие тени скачут по черным строчкам. Строчки терзаются в тьмоте, читавший тлестно напрягает глаза. Потом вдруг неожиданно вскакивает в резком движении берет книгу в угол:

— А ну ее к черту! Все равно ни черта не разберешь.

Остальные пытаются развлекаться разговорами. Сплошной мот за толкает помешанца. К потолку тянется синий дым папирос. От скуки затевают беспредметный спор. Спор перерастает в отчаянную ругань. Назревает драка.

Наконец, соскучившись ругаться, ложатся спать. Спят по два человека на шаткой деревянной койке. Спят тяжело, беспокойным сном.

Начиная с весны, комитет комсомола начал направлять на Софийскую, 8, ребят, нуждающихся в жилище. Все протесты комсомольцев, живущих в общежитии, оказались тщетными. В результате в пяти небольших комнатах ютятся около 40 человек.

Даже сейчас, когда общежитие переполнено, комитет комсомола не намерен отказаться от вселения новых жильцов.

Мы спрашиваем руководителей комитета комсомола завода им. Карла Маркса, что же они в конце концов предлагают организовать: бытовую коммуны, образцовое комсомольское общежитие или постоянный двор?



К нам в руки попал дневник одного из проживающих в общежитии комсомольцев. С разрешения автора публикуем отдельные отрывки из дневника:

«В июне у нас в общежитии выключили свет. Пришедший моттер объяснил, что техническое состояние проводки требует немедленного ремонта. Более трех месяцев мы сидели в тьмоте. Иногда «стреляли» на заводские свечки. Заводские организации, которым принадлежало здание, с ремонтом электропроводки не торопились. Комитет комсомола ничего не сделал для того, чтобы ускорить ремонт электропроводки».



Пять на одной койке...

«Многие ребята не имеют даже коек. Деревянные койки, на которых мы спим по-двое, того и гляди развалится. Приходится самим их починять... Живущие в соседней комнате девчата тоже спят по-двое на одной койке».

«Только недавно достали табуретки и стулья. Спасибо председателю заводской конгрессу Белозурову — выручил. Поднял на ноги все заводские организации и добился передачи им из столовой лишней мебели. Если бы не он, то и сейчас сидели бы на полу...»

«Ни у кого из ребят нет шкафов для хранения вещей и книг. Приходится вещи класть на кровать или на пол. Кое-кто этим пользуется. У нас в общежитии процветает воровство...»

«На 40 ребят — один умильщик. Водопровода нет. ЗРК нас плохо снабжает. Многие ребята не имеют белья...»

От себя добавим: никакой культурной работы в общежитии не ведется. О красном уголке и говорить не приходится.

Где же все это время была комитет комсомола? Неужели он не знал о том, в каких условиях живут комсомольцы-ударники, неужели он не интересовался этим?

Нет, комитету комсомола условия жизни в общежитии отлично из-

вестны. Когда кто-то сообщил в комитет о том, что один из ребят напился пьяным, Вера Цинг (бывш. секретарь комитета) вышла в Шувалово. Там, стоя посреди комнаты, Цинг громила некультурность ребят, доказывала преимущественно радио и красного уголка и угрожала разогнать общежитие. На смену Цинг пришла новая секретарь Врублевская. Но отношение к общежитию со стороны комитета комсомола осталось прежним. Попробуем общежитие не видит никакой помощи от комсомольской организации завода. В ответ на протест против вселения новых жильцов Врублевский грубо ответил:

— Не нравится — можете идти на Лаговку.

Общежитие, в котором живут ударники-комсомольцы, имеет право на внимание со стороны заводских организаций и в первую очередь со стороны комитета комсомола. Необходимо во что бы то ни стало помочь ребятам создать в общежитии все удобства для культурного времяпрепровождения.



Шесть на одном стуле...

токари, фрезеровщики — из разных цехов должны слиться в тесно спаянный бытовой коллектив.

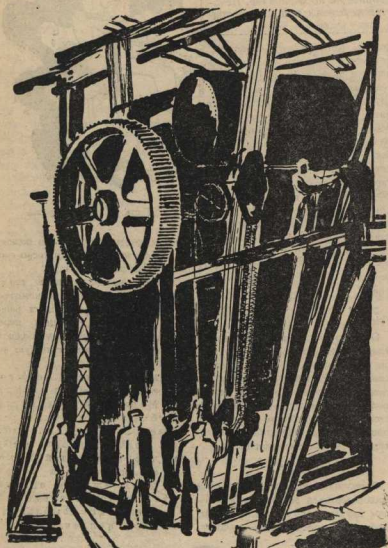
Это общежитие — живой свидетель неумения комитета комсомола завода им. Карла Маркса работать по-новому, неумения перестроиться и поставить на должную высоту защитно-экономическую работу.

Мы обвиняем комитет комсомола завода им. Карла Маркса в недопустимой бюрократическом отношении к нуждам рабочей молодежи. Мы требуем, чтобы заводской комитет комсомола исправил свою ошибку, организовал действительно образцовый комсомольский бытовой коллектив.



Словом... как сельдя в бочке

Рис. А. Чурина



На Нижегородском заводе. Пресс «Гамильтон»

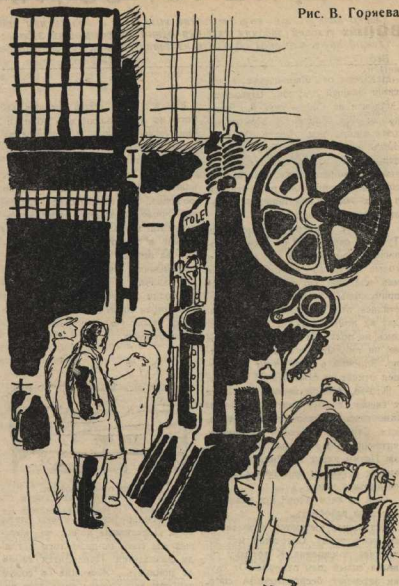


Рис. В. Горьева

Механосборочный цех. Пресс «Тоledo»

ПОБЕДА РУКУНЖАНА

(От нашего спешкора)

Когда передвигались по Карагалинскому округу огромные табуны скота, в кютах говорили:

— Тюлюбай нового места ищет. Хорош скот у Тюлюбая.

Далеко стивили породистый скот бая, и гонял его девять лет Сулейман Рукунжан. Девять лет проходили медленно. Знал Рукунжан, что есть бедные и богатые, а положено это со времен Алаха и охраняют права богатых судьи по законам Ислама. И ни разу не поднасясь его рука на «чужое» и ни разу она не зашла права Тюлюбай.

Быстро доносились первые вести о революции, но никто в кочевье не мог сказать, что такое революция. Много говорили о большом, большом начальнике «сорузов» уном и справедливом, как хороший судья, и сильном, как Батырбай. Говорили о нем, что идет его войско защищать «джалаз» от бая.

Рукунжан попал в Караганду, как испали многие «джалаз». В 1921 году он бросил табуны Тюлюбая и направился в родной аул. Советская власть ему помогла, он мог теперь жить, не работая на обросшего жиром бая.

И когда пронесся по степи слух о том, что в Караганде нанимают рабочих, он пришел к секретарю партийной аульской ячейки и сказал:

Такая новость ходит. Говорят, что в Караганде строят завод...

Разузнав обо всем, он взял семью и приехал, когда в Караганде были развалины саманных домиков — следы хозяйничанья английских капиталистов. На его глазах за два года, особенно за последние год, выросло на огромной территории город со стотысячным населением, с новыми каменными стандартными и саманными домами, клубами, с тысячами барачков, банями и столовыми.

Рукунжан работал на закладке шахты. Он вел первый уголь, добытый из недр, и на его глазах были пушены в эксплуатацию 17 шахт с мощностью пластов от двух до восьми метров.

Комсомольцы ему помогли ликвидировать неграмотность. Он смог на родном языке написать в аул первое письмо.

Он брался за общественные работы, посещал политшколу, круж-

ки и начал ходить на собрания партийной ячейки.

Рукунжан пришел на строительство чернорабочим. Когда первый раз он опустился в штрек, то болезненно оглядывался назад и смущенно смотрел на свет вольфрамы. Когда его поставили учеником забойщика, он боялся незнакомого ему угла, который больно брызгал осколками. Наконец он стал забойщиком.

Шахта первая в феврале дала за 480 тонн в день.

Забойщик Убаев отел в сторону кайло и устало похлопал соседа по широким плечам. Тот повернул скуластое лицо, в раскопке глаз над тоненькими бровями пржеблили маленькие черные зачатки. Убаев говорил, как всегда, мягко: — Рукунжан, наша бригада 30 вагонеток вывезла. Сегодня, как и вчера, а вчера, как и еще раньше, нуры дум.

Без даямсы! Убаев, но можно больше давать.

И снова стояли пласты угля под ударами тяжелых увесистых

Очень хорошо.

кайло. И шел по третьему штреку от забоя светя приглушенный и сдавленный стенами гул. Медленно продвигался забой по выверенным маркшейдерским точкам в темноту, как ночь, породу.

— Мало мы даем,— говорил Рукунжан, — 80,6 в январе. Мало, ой как мало, по Арыку вода и то быстрее течет...

На шахте проводился штурмовой декадик. Утром Рукунжан участвовал в рейдах бригад, вечером надевая спешковку и шел в забой. Бригада давала до 35 вагонеток в смену.

И теперь Сулейману Рукунжану понятны слова великого учителя: «Всякая угнетенная нация имеет право на самоопределение» — эти слова он при мне объяснял своим товарищам — казакам.

Караганду носит имя дикой степной травы — «караган». Когда казак говорит «караган» — степь пустая, такая степь безводна. Но большевики добыли воду. В степях выросла третья ассоциация коней и уже подняты строили будущего социалистического города.

Очерк М. Вейса

ВОЛГА ВПАДАЕТ В МОСКВА-РЕКУ

Весной 1932 года начнутся работы по сооружению плотины на реке Истре, возле деревни Зелеево. Постройка этой плотины является первым участком работ по соединению Волги с Москва-рекой.

Буровые работы, законченные в 88 скважинах на левом и правом берегах Истры, в общей сложности на глубине двух тысяч метров, дали положительные результаты.

Новым и днем к деревне Зелеево подвозят обзоры с лесом, гравием и другими строительными материалами, необходимыми для вспомогательных сооружений. На месте работ сейчас строится рабочий городок на 2.500 человек, выстроен кооператив, столовая, две конюшни на 150 лошадей и т. д.

В деревне Зелеево Истринский райком комсомола организовал комсомольскую ячейку, в которой сейчас состоит 12 человек.

По предварительным подсчетам инженера Аалеева, земляная плотина на реке Истре будет иметь 0,75 километра длины и 24 метра высоты. Истринское водохранилище позволит ежедневно отпускать московскому водопроводу шестьдесят миллионов ведер воды, т. е. в два раза больше, чем потребляет Москва сейчас. Значение истринского водохранилища огромно уже потому, что оно в ближайшие два года увеличит водоснабжение красной столицы на 15—20 миллионов ведер в сутки. Это значит, что задача, поставленная ноябрьским пленумом ЦК — «добиться в 1935 году удвоения уровня душевого потребления воды», — будет выполнена.

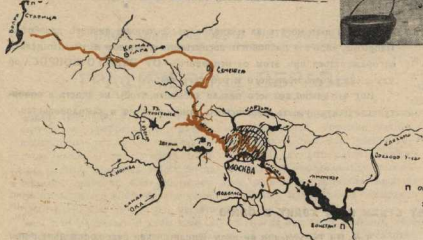
Тов. Каганович на пленуме президиума Моссовета указал: «... Мы должны и можем соединить Москва-реку с Волгой».

Постройка плотины на реке Истре — практический шаг к осуществлению великой проблемы соединения Москва-реки с верховьями реки Волги.

На снимках сверху вниз:

Буровые работы на истринском строительстве Волго-Москва. Тов. Воронов — секретарь райкома ВЛКСМ, истринского района.

Дер. Истра, намеченная к переноске за несколько километров от места строительства.



Разговор по душам.

БЫТОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

1.

О «Плюшкинских» и бюджетной дисциплине

Тов. Макаров пишет:

«В своем личном быту, домашнем и вне дома, я веду строгий учет своим расходам. На этом основании я прошу среди ребят, живущих рядом со мной, «Плюшкинских». То и дело прохаживаются они по поводу моей скупости, называя меня «копейкой» и всячески подсмеиваясь.



Например, когда ребята соберутся в кино, кто-нибудь непременно скажет:

— Ну, а «копейка» пойдет или нет?

— Чорта с два. У него баланс не сходится.

Однажды я твердо заявив, что смеяться тут нечему и, если у меня «баланс» в самом деле не сходится, а лишнего расхода не сделаю. Секретари цехячейки на это сказали: «не обижайся, надо шутку понимать». А сам на другой день, встретившись со мной, заметил: «брось эти мелкобуржуазные штучки, не к лицу это комсомольцу».

А по-моему никакого отступления от комсомольского долга я не делаю, ведь учет каждому расходу и не допуская перегрузки в своем бюджете. У многих наших ребят денег хватает после получения только на несколько дней. Потом начинают друг у друга брать, залегают в долги, часто забывают даже, сколько у кого нахватили, а когда очень туго придется, то готовы за дешевую нужную вещь спустить.

Что же тут комсомольского и почему мое поведение расценивается как мелкобуржуазное? Неужели бюджетная дисциплина нужна только в хозгаражах, на заводе, в Наркомине, вообще во всем нашем социалистическом хозяйстве, но «не к лицу» отдельному коммунисту, отдельному комсомольцу?

Я просто стремлюсь уложить свои потребности в рамки заработной платы. С сентября прошлого года я ежемесячно откладываю по десять рублей, хочу накопить на облигацию для покупки велосипеда. Конечно мне приходится на-за это

го кое в чем урезывать себя, но что же тут некомсомольского?

Я прошу «Смишу» ответить. Я не добиваюсь личного оправдания, но этот вопрос касается не одного меня. Но стоит о нем заговорить, как ребята машут рукой: зарабатывать надо больше, а не экономить из лугостого.

Нужна или не нужна в нашем личном быту бюджетная дисциплина?



ТОВ. МАКАРОВ, вряд ли кто всерьез будет упрекать комсомольца за то, что он хочет скопить нужную для велосипедной облатки сумму, или за то, что он старается не влезать в долги. Бюджетная дисциплина в личном быту не может вызывать ни возмущений, ни насмешек. Важно в стремлении к планированию домашнего быта, не замыкаться в скупорку личного устройства своего индивидуального быта. Надо бороться за плановость, за порядок в быту, в бюджете, на широкой базе комсомольской общественности.

Конечно система постоянного «стрелания» в поисках трещины вовсе не свидетельствует о возвышенности или широте натуры, чаще всего это говорит о мелкобуржуазной анархичности, которая любит прикрываться фразами о «спрежении к мешанству» и т. д. Но выход из этого вовсе не в том, чтобы сказать себе: «Я буду жить по клеточкам бюджета и вести счет каждому билету в кино, а до остальных мне дела нет».

Вопрос о бюджетной дисциплине в быту нельзя ограничивать индивидуальными рамками индивидуального заработка. Надо бороться за социалистический быт, за улучшение и упорядочение быта ВСЕЙ МАССЫ рабочей и комсомольской молодежи; бороться за внедрение коллективных начал в повседневный быт, не впадая при этом в левацкие перегибы.

Нельзя шельмовать за плановое расхождение личного заработка. Напротив, надо эту плановость воспитывать в каждом из нас. Но нельзя отгораживаться при этом от основного — ОТ ОБЩЕГО ВОПРОСА об улучшении комсомольского и рабочего быта.

Вот что важно, вот чего нельзя забывать, чтобы не впасть в оппортунистическую узость мешанского самоустрашения и самодовольства.

2 Фабзайцу, который пишет стихи и не ходит в баню

Шестнадцатилетний комсомолец, фабзайц Ярославского гос. автозавода П. пишет стихи. Он мечтает быть знаменитым поэтом. Все свободное время он тратит на писание стихов. «Плшу молниеносно и расмысло по редкнннн...» По ночам ему снится полное собрание его сочинений, и он ясно видит обложки своих томов.

Фабзайца-поэта мучает, что его стихи не печатают. Ему кажется, что к начинающему поэтам установилось предвзятое отношение — казненное, презрительное.

«Мастрорз навондрили все журналы. Что бы ни написала «мастрорз», его встречают с распростертыми объятиями, а подлинну стихотворение я-его бросает, не глядя, в корзину...»

...А я ма-за страсти к писатель-



ству оторвался от друзей. 7 месяцев не был в кино. Давно не был в бане. 4 месяца не подстригался...

Тов. П.! Ты конечно не прав. Пролетарская революция дала широким массам право на творчество. И она ЗАВЕТ к творчеству. Если ты следишь за печатью, ты не можешь не заметить, что начинающему пролетарскому поэту майт всекнннх наветрчч-печатают его произведения, помогают критикой, устраивают смотр творчества ударников, признавая в литературе.

Вместо того, чтобы «молниеносно» писать стихи и рассылать их по редакциям, ты должен, не гоняясь за тем, чтобы поскорее печататься, поучиться писать стихи, работать над каждой строкой. Надо много читать, повышать свой политический и культурный уровень. Ты учишься в ФЗУ на савсера или токаря. Ты не можешь сразу стать токарем, тем более хорошим токарем. А «поэзия»-производство. Труднейшее, сложнейшее.

Кроме того ты совершенно не прав, когда, ЧТОБЫ СЭКОНОМИТЬ ВРЕМЯ ДЛЯ ПИСАНИЯ СТИХОВ, НЕ ХОДИШЬ В БАНЮ, НЕ ВСТРЕЧАЕШЬСЯ С ТОВАРИЩАМИ, НЕ ХОДИШЬ В кино, клуб и т. д. Оттого, что ты отращишь себе длинные, как у кола, волосы, ты не становишь поэтом.

Замысливая в своей скупорке, ты только навредишь себе, оторвешься от жизни, от комсомола, от рабочей массы, от социалистической стройки, которые должны насыщать и питать твоё творчество.

(под редакцией С. Глязера)

С этого номера «Смены» мы начинаем печатать «Цех занимательной техники», в котором будут помещаться загадки, головоломки, кроссворды, викторины, ребусы и другие формы игр, сообразительности, сочетающие живую занимательность с пропагандой технических знаний.

Наряду с обычными формами игр сообразительности в программу нашего «Цеха занимательной техники» мы включаем совершенно новую форму игры технического творчества.

Известно, что усовершенствование можно сделать только в том случае, если в станке, инструменте, производственном процессе обнаружены дефекты или несовершенства. Найти недостатки в нормально работающей станке — большое искусство. Но когда несовершенства или дефекты обнаружены, то конструкцию станка, инструмента можно улучшить по-разному. Каждый знающий обнаруженные недостатки может подойти по-своему к усовершенствованию и создать новые изобретения.

Это положено в основу игр технического творчества.

Редакция «Смены», учитывая, что решения загадок не только помогают организовать досуг читателей, но и дают ценные технические предложения, все письма читателей с оригинальными решениями будет передавать бригадам, научно-исследовательским институтам и государственным учреждениям по обмену социалистическим опытом.

Таким образом каждый участник игр технического творчества нашего цеха, давая интересные предложения, может получить премию как изобретателя.

Успех работы нашего нового отдела всецело зависит от активности читателей. Мы ждем присланные не только решения, но и новых загадок, загадок и игр, расширяющих наши технические знания и создающих условия для технического творчества.

Организуйте коллективное решение задач, проводите конкурсы технической смекалки, используйте материалы «Смены» на своих вечерах, технических боях и в кружках технической грамоты.

НАША КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ИГРАМ

ГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

Для техников, инженеров, конструкторов, изобретателей, радиоанализаторов искусства передавать свои мысли в графических образах, схемах, чертежах имеет очень большое значение. Оно достигается после длительной практической работы. Но это не должно мешать всем нам развивать в себе навыки графической передачи таких образов, которые, казалось бы, никак графически выразить нельзя.

1. В игре особенно участвует до 15—20 человек. Из числа участников выбирается ведущий «лаборант-психотехник», который проводит подготовительную работу.

2. Подготовительная работа лаборанта-психотехника — написать 10—15 различных слов, которые участники игры должны будут передать в графических образах.

3. Все участники, вооруженные карандашами и листками бумаги, делают последние на такое количество катков, сколько слов будет названо ведущим-психотехником.

4. Психотехник незаметно для остальных участников записывает слова: например техника, кабель, индустриализация, радио, изобретатель, нормирование, мекано, черчение и т. д.

ИГРЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

1. НЕВЕРНАЯ ОБТОЧКА

(Л. Кавин, Москва)

На токарном станке пужно было отточить вал. Точарь керном нанес центровку и углубления, включил мотор и начал обтачивать. Но обточка получилась неверная.

Посмотрите на чертеж и определите, почему получилась неверная обточка?

2. БЕРИТЕ БУМАГУ

В типографиях росева бумагу обычно отрезается ножом. В результате получается неровная ре-



ка, много отходов, увеличивается и без того большой процент брака. А мы должны беречь бумагу.

Что же делать?

Оказывается, что причиной, вызывающей увеличение брака, является обыкновенный нож. Будь таковой нож, при помощи которого можно было резать бумагу по длине всего шва на определенное количество слоев — количество отходов несомненно уменьшилось бы.

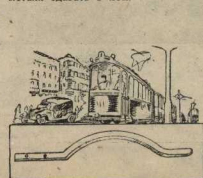
В Алмазграде г. Алмазградского придумал конструкцию такого ножа.

Не сможете ли вы описать, как по-вашему он должен выглядеть?

3. МЕДНЫЙ ПАЛЕЦ

(Рис. Л. Сметова)

Трмачай. По контактам трмачайного контроллера движется медный палец, показанный в нижней части рисунка. Из-за частых выключений медный палец оборотет и стянется негодным к употреблению. Прихоисте дорогой для нас цветной металла сдавать в лом.



Нельзя ли придумать такой палец, чтобы при оборотении его не было сдвигать в лом, а можно было бы использовать еще не один раз?

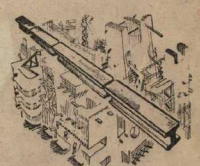
Что для этого надо сделать? Тем более, что медные пальцы контроллеров, скользящие по контактам, находят применение не только в трамвайном хозяйстве, но и в целом ряде других электрических приборов. Проявите ваше техническое творчество.

4. СТРОИТЕЛЬНЫЕ БАЛКИ

В Харькове на индустриальном внимание на то, что строительные балки обычно режутся так, как показано на рисунке. Считаю, что совершенно нормальным, если в балке три метра и ее разрезают пополам на две равные части, то в каждой должно быть не больше, чем полтора метра.

Такая арифметика оказывается не обязательной для изобретателей Индустриал. Они ухитрились, разрезав балку на две равные части, дать каждую длиной больше чем полтора метра.

Как это они сделали, догадаться сами, проявите свою техническую



смекалку. Укажите, как рациональнее использовать металл в нашей строительной промышленности.

5. ШЕСТЬ СОБАК

(Л. Шохор, Москва)

Одному кинорежиссеру понадобилось снять кадр, в котором должно было быть шесть совершенно одинаковых собак. Попытки подобрать такое количество одинаковых собак не увенчались успехом. В отдаленности они еще были похожи друг на друга, но как только их ставили рядом, сразу была видна разница.

Пришлось бы отказаться от съемки этого кадра, если бы режиссер не догадался, что можно использовать зеркала.

Решив поместить одну собаку между двумя зеркалами под таким углом, чтобы при съемке получились шесть собак.

Под кадри уложив было по одному зеркалу и поместив между ними собаку, чтобы при съемке получить необходимый нам кадр?

ИЗДАНИЕ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Цена 25 коп.

«Смена»

Выходит 2 раза в месяц в увеличенном объеме.

Показывает в строительстве социализма лучших ударников-комсомольцев и передовую рабочую молодежь.

«СМЕНА» — единственный в СССР журнал рабочей молодежи, специально посвященный вопросам социалистической реконструкции быта.

«СМЕНА» — освещает и ставит актуальные проблемы культуры и быта, связанные с ходом социалистическойстройки. Из номера в номер дает в журнале постоянную бытовую консультацию, ведет борьбу с классово-враждебными нам пережитками и течениями и вылазками на идеологическом, культурном и бытовом фронтах, организует комсомольскую работу по реконструкции городов и быта.

«СМЕНА» — печатает лучшие рассказы, стихи и очерки пролетарских писателей и ударников, призванных в литературу, откликается на злободневные вопросы литературной политики, борется за проведение правильной партийной линии в художественной литературе.

«СМЕНА» — отображает классовую борьбу и быт рабочей молодежи в капиталистических странах и колониях.

«СМЕНА» — проводит ряд постоянных новых отделов: «Смотр городов», «Проблемы второго пятилетия», «Разговор по душам», «Реконструируем быт» (опыт мест, хроника по СССР и др.).

«СМЕНА» — располагает густой сетью специальных корреспондентов, организует редакционные выезды бригад на новостройки и в промышленные центры, проводит и печатает результаты бытовых диспутов.

Подписная цена:

из 1 номера — 50 к.

из 6 т. — 3 р.

Цена отдельного номера — 25 коп.



Отв. издатель: редактор В. Вилкин. Зам. редактора И. Успен.

Сдан в набор 25 III в одиннадцати печатных листах

Уполномоченный Главлита № В-21095

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», сектор «Комсомольская правда»
2 бум. листа

Изд. № 574. 135.000 п. л. в бум. л.

Типография газеты «Правда», Москва, Тверская, 40.

Заказ № 730

Тираж 39.300